

№3

Март 2020

Т УССКИЙ КЛУБ

Стр. 42

ТИФЛИССКИЕ ПРИЮТЫ
ХУДОЖНИКОВ И ПОЭТОВ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽¹⁷³⁾
Март 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СИНТЕЗ КУЛЬТУР В СЕРДЦЕ ГРУЗИИ, ИЛИ ЭКСПРЕССИЯ И
ДУША В ОДНОМ ФЛАКОНЕ
КИРА ЕРИЦИДИ
- 8 БААДУР ЦУЛАДZE: «Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»
НИНА ШАДУРИ
- 12 «ТЕНИ» ДМИТРИЯ БРИКМАНА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ТБИЛИССКИЕ КАНИКУЛЫ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 26 ВАСИЛИЙ КАДЕНЕЦ: «ДУМАЮ, МНОГОЕ СДЕЛАЛ В СВОЕЙ
ЖИЗНИ»
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 30 ГРИБОЕДОВЦЫ В КИНО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 36 ПОЗДРАВЛЯЕМ!
- 37 ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КРАСОТЫ
АНАСТАСИЯ ЭРИСТАВИ
- 42 ТИФЛИССКИЕ ПРИЮТЫ ХУДОЖНИКОВ И ПОЭТОВ
ИРИНА ДЗУЦОВА

На обложке – ВЕСНА В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ
Фото: Александр СВАТИКОВ

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

ЮБИЛЕЙ ВАХТАНГА ЧАБУКИАНИ

В марте исполняется 110 лет со дня рождения легенды мировой балетной сцены – великого грузинского балетного танцовщика Вахтанга Чабукиани. Он родился в бедной семье рабочего и белошвейки. В доме детей было много и вечно не хватало денег. Маленький Вахтанг даже не имел возможности полноценно посещать школу – ему приходилось одновременно учиться и зарабатывать с самых юных лет, чтобы помочь родителям. Он работал в мастерской, где изготавливали игрушки, плел цветочные корзинки и всякие мелкие сувениры. А однажды его послали отнести заказ в танцевальную студию, которой руководила прекрасный педагог – Мария Перрини, давшая до-

рогу многим молодым тбилиским талантам. Так маленький Вахтанг там и остался, влюбившись в балет. Конечно же, он продолжал совмещать учебу с работой, иначе было никак. Но уже через год он начал исполнять маленькие танцевальные номера в балетных спектаклях. Родные были сначала против балета, но со временем приняли выбор Вахтанга, поняв, что это станет для него настоящей профессией. В семнадцать лет Чабукиани отправился в Ленинград, чтобы продолжить обучение искусству танца, но из-за возраста его приняли только на вечернее отделение. Однако уже через несколько месяцев перевели на дневное, оценив его невероятный потенциал. Вместо девяти лет он окончил училище за три года и поступил в труппу театра имени Кирова и сразу же стал исполнять ведущие партии. Чабукиани отличало феноменальное трудолюбие, он изучал балетные партитуры, постоянно обогащая свой исполнительский репертуар. В мире балета он явил уникальный сплав природной гениальности с исключительным трудолюбием и самосовершенствованием. А еще он одним из первых стал танцевать «мужской балет», а не быть лишь партнером балерины. В качестве премьеры Чабукиани стал выступать в 1930 году, тремя годами позже в его репертуаре уже было более двадцати партий. А еще были аплодисменты благодарной публики и триумфальные гастроли по стране и за рубежом. В том же году он со своей партнершей Татьяной Вечесловой покорил Америку. Вскоре он блестяще проявил себя как хореограф, поставив в 1937 году балет «Сердце гор» на музыку композитора А. Баланчивадзе. Весной 1941 года ему была присвоена Сталинская премия первой степени. В войну он не уехал с Кировским балетом в эвакуацию, а вернулся в Тбилиси и возглавил балетную труппу театра имени Палиашвили на долгий-долгий срок – с 1941 по 1973 год. Чабукиани стал еще и балетным педагогом и постановщиком спектаклей. За один только 1942 год он поставил «Жизель», «Шопениану», «Вальпургиеву ночь», «Дон Кихота», «Эсмеральду», «Лебединое озеро», а также «Лауренсию», «Сказание о Таризле» «Витязя в тигровой шкуре», «Синатле» и «Горду». Параллельно Вахтанг Михайлович был директором Тбилисского хореографического училища, ныне носящего его имя. Вахтанг Чабукиани был Народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда и Лауреатом многих премий. Спектакли в его постановке до сих пор не сходят со сцен разных театров мира.

ТИГР СКАЛ

Легендарного грузинского альпиниста Михаила Хергиани называли Тигром скал. Это прозвище придумали английские альпинисты в подражание прозвищу «Тигр Снегов», как величали первовосходителя на Эверест Тенсинга Норгя. Хотя Хергиани и не принимал участие в гималайских экспедициях и нечасто выезжал за пределы Советского Союза, за границей спортсмены его знали хорошо как гениального скалолаза. Многие из них совершали на Кавказе свои восхождения, а Хергиани был здесь настоящей альпинистской звездой. Настоящее имя его было Чхумлиан, домашние и друзья звали Минан, а в альплагерях и инструкторской школе называли на русский лад Михаилом, Мишей. Под этим именем он и остался в истории советского альпинизма. Хергиани родился в сванской крестьянской семье рядом с городом Мestia. Его отец Виссарион, как и дяди и другие родственники, был альпинистом – в этом горном краю все мужчины испытывали свою доблесть на крутых заснеженных скалах окрестных кавказских гор. И выбор Чхумлиана-Минана-Михаила был очевидным – он перешел через перевал в Баксанское ущелье и поступил в альпинистскую школу инструкторов. Там он усовершенствовал свою технику скалолаза, научился правильной работе с крючьями и веревкой, технике ледовых и снежных восхождений, проведению спасательных работ. Там же он совершил свои первые спортивные подвиги. Призером чемпионата Союза по альпинизму он стал в двадцать пять, пройдя с Иосифом Кахиани Северную стену Донгуза, а в тридцать стал чемпионом СССР за покорение Зеркала легендарной Ушбы. По скалолазанию же Хергиани становился чемпионом аж семь раз. А потом пришла и европейская слава – сына крестьянина из горной Сванети чествовали в мировой столице скалолазания в национальном французском альпинистском центре

в местечке Шамони все съехавшие туда мировые знаменитости. Михаил вместе со своим напарником, московским врачом Вячеславом Онищенко в рекордные сроки совершил ряд сложнейших восхождений на популярные среди скалолазов альпийские вершины Гранд-Капуцин, Пти-Дрю и Гранд-Жорас. Причем последнюю прошли по совершенно новому, запрядельно сложному маршруту. Прожил он недолгую жизнь – всего тридцать семь лет. Хергиани погиб через два года в Доломитовых Альпах во время рекордного прохождения скальной стены вершины Су-Альто. Как выдающегося спортсмена его собирались похоронить в Тбилисском Пантеоне выдающихся деятелей страны, но его отец Виссарион решил, что место могилы Михаила Хергиани на площади города Мestia в его родной Сванети, где его любят, знают и будут помнить всегда, как героя и храбреца.

А НЕ БУДЕТ ВАМ НИКАКИХ «КОНДИЦИЙ»!

В марте 1730 года русская императрица Анна Иоанновна внезапно лишила полномочий Верховный тайный Совет, приняв титул самодержавной правительницы. Бояре, в основном Долгорукие и Голицыны, составлявшие этот совет, рассчитывали править вместо этой провинциалки. Человеком на троне она казалась случайным. После смерти сначала ее дяди Петра Великого, затем его второй жены Марты Скавронской, которую в России переименовали в Екатерину Алексеевну. Затем недолго правил двоюродный племянник Анны – несчастный мальчик Петр II, внезапно умерший от оспы. Кому править – вот в чем был вопрос? И тут бояре решили, что подойдет дочь брата и соправителя Петра Алексеевича, Иоанна V. Анну заставили подписать специальный документ «Кон-

диции», где ее царские функции превращались только в представительские и церемониальные. Но дама, много лет прозябавшая в дождливой прибалтийской Митаве, решила все по-своему. Анна со смиренным видом въехала в Москву, освоилась, потом разведала за несколько дней обстановку и выяснила, что на самом деле многие поддерживают именно ее, а не тайный совет знатных богатеев. А затем она торжественно и публично «при всем народе изволила, приняв, изодрать» пресловутый документ. Так хитрые олигархи оказались ни с чем. И в России еще на долгие 187 лет сохранилась абсолютная монархия. Как говорилось в опере великого Моцарта: «Так поступают все настоящие женщины!»

КРУГЛЫЕ ДАТЫ В НЕСКОЛЬКО СТРОК:

Заблудился как-то в океане португальский капитан Кабрал со всеми своими тринадцатью кораблями. Они шли из Лиссабона в Индию путем Васко де Гамы, а тут у берегов Африки так заштормило, что отнесло всю эскадру к неведомым берегам на запад. Ступил дон Педру Альвареш 22 марта 1520 года на сушу и понял, что открыл новую землю для своей короны. Называли ее поначалу Исла де ла Вера Креш – Остров Истинного Креста. Правда, потом поняли, что это никакой не остров и переименовали в Бразилию. Потому-то в этой стране и говорят по-португальски, а не как все соседи по-испански.

Однажды Папа римский взял и отказал английскому королю Генриху VIII в праве на развод с нелюбимой женой. Папу понять, конечно, можно – нехорошо монархам разводиться, несолидно. Но и королю посочувствовать можно – полюбил человек другую, молоденькую. И они оба, что называется, уперлись. В итоге упрямство Папы подтолкнуло Генриха к созданию отдельной, собственной, независимой от Ватикана, англиканской церкви. Случилось это в марте 1530 года.

А в том же 1530 году и в том же марте Император Священной Рим-

ской империи и по совместительству испанский король Карл V передал Мальту, что расположена в самой середине Средиземного моря, знаменитому Ордену госпитальеров. Целый остров «со своего плеча»! Неплохой подарок...

Представьте себе, в далеком марте 1810 года американский штат Иллинойс первым ввел у себя обязательную вакцинацию. От оспы, естественно. И

тоже, как и в наши времена, не отхожей жизни.

Первая в мире репродукция фотографии появилась только в марте 1880 года в американской газете «Нью-Йорк Дейли График». Какие же до

этого скучные были газеты без привычных нам фоток – «много букв».

В Москве на Арбатской площади открылся первый звуковой кинотеатр «Художественный». Ну, конечно, не сам кинотеатр открылся, он был там еще

до революции, просто любимый москвичами «Художественный» обновили новейшей по тем временам звуковой аппаратурой. Теперь можно было не читать субтитры и забыть про музыкальное сопровождение тапера на раздолбанном пианино.

Широкий жест Пабло Пикассо – в марте 1970 года великий художник XX века подарил 800 своих работ музею в Барселоне. Но и другие музеи мира не остались обиженными – как известно, Пикассо был плодовитым гением.

А весной 2000 года знаменитый американский писатель Стивен Кинг – автор занимательных и страшных книг стал первым в мире писателем, опубликовавшим свое произведение в Интернете. И всего за один день его новый роман прочли

аж два миллиона человек.

Тбилиси. Нарикала

СИНТЕЗ КУЛЬТУР В СЕРДЦЕ ГРУЗИИ, ИЛИ ЭКСПРЕССИЯ И ДУША В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

■ Кира ЕРИЦИДИ

Будучи студенткой Московского театрального вуза «Школа-студия МХАТ при МХТ им. А.П. Чехова», я была направлена на практику в Тбилисский государственный академический русский театр им. А.С. Грибоедова.

Как студентка продюсерского факультета, я с самого начала имела непосредственное представление о том, как устроен театр в России, но устройство театрального мира в Грузии оставалось для меня загадкой. Выбор театра им. Грибоедова был неслучайным. Несмотря на то, что мои родственники живут в Грузии, я не располагаю языковыми знаниями в должной мере, однако театр является русским, соответственно, острой необходимости в знании грузинского языка не оказалось.

Таким образом, проблема решила сама собой в тот момент, когда я узнала, что в Тбилиси есть русский театр. Раздумывала я недолго: на следующий же день объявила

мастеру курса М.Д. Литваку о своем желании поехать на практику в Тбилисский государственный русский театр им. А.С. Грибоедова.

Я позвонила в театр не без волнения и на одном дыхании выпалила: «Здравствуйте, меня зовут Кира. Я студентка Школы-студии МХАТ. В нашем институте в феврале наступает время практики, и я хотела бы узнать, возможно ли пройти ее у вас?». Мне дали личный мобильный номер телефона директора театра Н.Н. Свентицкого и я, набравшись смелости, позвонила ему.

Все произошло так быстро и легко, что мое волнение испарилось, будто его и не было. В течение двух месяцев, предшествовавших поездке, я с нетерпением ждала начала практики, волновалась, так как не имела представления о том, что меня ждет. Но все равно была очень рада: ведь теперь я смогу не только практику пройти, но и родственников навестить!

Когда наступил день вылета, я не находила себе места от нетерпения. 6 часов полета показались мне минутами, и вот я выхожу из аэропорта им. Шота Руставели...

В первые дни я просто любовалась городом. До этого мне еще не приходилось бывать в Тбилиси. В основном я ходила по туристическим местам: крепость Нарикала, площадь Свободы, монумент «Мать Грузии», парк Рике и мост Мира... Все казалось мне интересным, я будто бы становилась частью истории.

Так незаметно настало время встречи с Николаем Николаевичем – директором театра. Наше знакомство было очень приятным, и, как оказалось, в театре такие мероприятия, как «студенческая практика» до сих пор не проводились: можно сказать, я оказалась первопроходцем. Николай Николаевич передал меня заведующей литературной частью Нине Шадури, и так началось мое знакомство с театром. Сначала мы выделили ключевые моменты моей практики, а потом я познакомилась с главным администратором Жанной Новиковой, заведующим постановочной частью Александром Цветковым, заведующей музеем Инной Безиргановой, коллективом журнала «Русский клуб» и его главным редактором Александром Сватиковым.

В первый день Александр Цветков провел экскурсию по театру, сводил на колосники, показал «карманы» сцены, а также рассказал, как весь этот механизм работает и живет.

Во время практики мне посчастливилось побывать на самой первой читке пьесы «Иван Васильевич меняет профессию», и я еще никогда не видела, чтобы режиссер и актеры так понимали друг друга – буквально с полуслова. Мне даже выпала возможность немного проявить себя и оказать небольшую помощь в работе над текстом.

Также удалось пообщаться с заведующей труппой Анной Николава, которая рассказала о тонкостях своей профессии.

Каждый день я выполняла небольшие поручения и обща-

Вход в театр им. А.С. Грибоедова

лась с заведующими разными цехами. А по окончании рабочего дня всегда было очень приятно прогуляться по вечерним улицам города...

Ближе к концу недели работа становилась все более интересной и насыщенной. Спектакли по особой театральной специфике шли только три дня – по пятницам, субботам и воскресеньям. И в это время я работала в службе главного администратора: проверяла билеты, принимала верхнюю одежду в гардеробе, дежурила в зале.

Самый первый спектакль, который я увидела – «Я – Николай Гумилев!» в постановке Левона Узуняна, с которым накануне спектакля мне посчастливилось познакомиться и пообщаться. «Я – Николай Гумилев!» – моноспектакль в исполнении Иванэ Курасбедиани, раскрывающего личность поэта и его биографию с абсолютно новой стороны.

На спектакле «Английский детектив» по пьесе Агаты Кристи «Мышеловка» мне выпал шанс поработать с реквизитом под руководством Веры Саришвили. Как оказалось, за реквизитом не так уж и легко следить. Перед каждой репетицией, которая предшествует спектаклю, весь реквизит уже должен лежать на своих местах, а после показа должен быть оперативно

Фойе театра

Зрительный зал

собран и убран на место.

Все спектакли, которые я посмотрела в этом театре, тронули меня до глубины души. Хочется особо выделить постановку «А.Л.Ж.И.Р», он же «Акмолинский лагерь жен изменников Родины». Тяжелые судьбы сильных женщин в исполнении прекрасных актрис театра им. А.С. Грибоедова затронули самые тонкие струны моей души.

Незаметно подкравшийся конец практики застал меня врасплох. Две недели, казавшиеся мне достаточно большим сроком, пролетели с бешеной

скоростью. Мне хотелось оттянуть момент отъезда, ведь я совершенно не хотела прощаться.

Надеюсь, в дальнейшем наши пути еще не раз пересекутся. Мне посчастливилось познакомиться с очень гостеприимными, открытыми, доброжелательными людьми, отличными профессионалами. Благодаря им я уехала обогащенная не только знаниями, но и подарками, которые будут напоминать мне об этом прекрасном времени.

Баадур Цуладзе

БААДУР ЦУЛАДЗЕ: «Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

■ **Нина ШАДУРИ**

5 марта исполнилось 85 лет со дня рождения Баадур Цуладзе. У него было самое главное звание – всенародно любимый артист.

Вот уже почти два года, как его нет с нами, и уже совершенно ясно, что Баадур Цуладзе удало в профессии главное – оставить после себя такие фильмы и роли, которые навсегда вошли в историю кино. Выпускник режиссерского факультета ВГИКа (мастерская Александра Довженко и Михаила Чиаурели), он снял ставшую невероятно популярной (культовой, как принято говорить) картину «Феола», а еще доказал, что, простите за банальность, маленьких ролей и в самом деле не существует, если эти роли исполняет Его Величество Артист. Ну кто не помнит его роли в таких фильмах, как «Пловец», «Блондинка за углом», «Приключения Буратино», «Пеппи Длинныйчулок», «Царская охота», «Аляска Кид» и десятках других. А уж о его

работах в легендарных грузинских короткометражках и говорить не приходится.

Кроме того, Баадур Сократович успел воспитать не одно поколение студентов режиссерских факультетов в Грузинском институте театра и кино им. Шота Руставели и Тбилиском государственном университете им. Ив. Джавахишвили, которые с благодарностью и любовью будут вспоминать своего строгого педагога, который страстно любил кино и страстно делился этой любовью с учениками.

Баадур Сократович обладал уникальным качеством – солнечностью. Да, именно так. От него исходили сверкающие волны доброго, позитивного, радостного отношения к жизни, которым он так щедро делился со своими собеседниками. Я имею возможность подтвердить это как очевидец, поскольку мне выпало большое счастье – записывать рассказы Баадур Цуладзе для книги «Я – счастливый человек»,

которую в эти самые дни готовит к печати российское издательство «Либрика». Вы только подумайте, человек, на долю которого выпало столько испытаний (убийство деда, арест отца, ярлык «формалиста» по окончании ВГИКа и, как следствие, безработица и безденежье, отсутствие своего жилья – 15 лет он мыкался в Тбилиси по родственникам, друзьям и съемным квартирам), он никогда не пребывал в плохом настроении и никогда не жаловался на жизнь. Никогда! Никто не знал о его проблемах, ни один человек! И, поверьте, это не было ни бравадой, ни показухой – он просто так жил и не умел жить иначе. Знаете, как он начинал каждый свой день? С песни! Он открывал глаза, напевал какую-нибудь веселую мелодию и только потом вставал с постели (об этом мне рассказала сестра артиста, Леди Цуладзе). И всегда повторял любимую фразу: «Я – счастливый человек!».

С разрешения генерального

директора издательства «Либрика» Вадима Панюты представляем нашим читателям фрагмент из будущей книги. Добавим, что соавтором Баадура стала Леди Цуладзе, которая также поделилась своими воспоминаниями. Издание будет проиллюстрировано редкими фотографиями из личного архива семьи Цуладзе. Некоторые из снимков вы видите на этих страницах – они публикуются впервые.

«Мой дед, Лаврентий Цуладзе, как и прадед, и прапрадед, был священником, директором сельской школы и преподавал, помимо закона божьего, грузинскую и русскую словесность. Своего сына, моего отца, он называл Сократом – в честь греческого философа. Представьте себе, в селе Чанчати Ланчхутского района он смог собрать огромную библиотеку. Я не говорю о грузинских книгах и журналах, у него было огромное количество книг на русском языке – из Петербурга выписывал. Когда пришли большевики, они, как мне рассказывали, погрузили библиотеку на восемь телег и увезли. Но на чердаке остался сундук, полный книг. Вот на этих книгах я и воспитывался – журналы «Наш современник»,

Лаврентий Иоанович Цуладзе

«Нива», художественная литература, книги по истории... Я очень привык к дореволюционному шрифту со всякими ятями и читал быстро.

Как бы меня ни переубеждали, все начинается с детства. И любовь к чтению тоже. Я забирался на чердак и читал-читал-читал... И по-русски, и по-грузински. А до того, как научился читать, рассматривал иллюстрации. Помню, в Батуми, когда уже настали строгие времена, я, двух-трехлетний, листал детский дореволюционный журнал «Накадули» – что-то там было про русских императоров. Читать я тогда не умел, но точно знал, что где написано. И я спрашиваю: «Здесь везде написано Санкт-Петербург, а почему сейчас это называется Ленинград?» Гробовая тишина. У стен, как известно, есть уши, и по выражениям их лиц я понял, что спросил что-то страшное. Ужасные были времена...

Между прочим, в Гурии не было ни одной семьи, включая крестьян, в которой не хранилась бы библиотека – даже самая небольшая. Это потом все кинулись хрусталь покупать! А тогда покупали книги. Я, например, книгу «Граф Монте-Кристо» на русском языке одолжил у соседа-крестьянина.

Дед был знаком со многими деятелями культуры Грузии. У меня хранится табакерка, которую ему подарил Важа-Пшавела. Он сотрудничал с газетой «Иверия», был знаком с Ильей Чавчавадзе. Известный был человек, мой дед. Сейчас даже книга о нем вышла.

И случилась странная вещь – с приходом большевиков те священники, которые его считали плохим священником (потому что он считал, что церковь не должна богатеть и никогда не брал денег за крещение, например) быстренько сняли свои рясы. А дед сказал – ни в коем случае. И остался священником, и ходил в рясе. Церковь в Чанчати была уникальная – деревянная. Подобных в Грузии нет. Ее, конечно, большевики спалили... Иконы вынесли во двор и сожгли. Моя тетка была тогда девочкой, ухватила одну икону и вытащила из пламени.

Сократ Цуладзе

Один из большевиков-поджигателей поглядел на нее, но ничего не сказал. И эта икона до сих пор хранится в доме моего племянника. Правда, слегка обгоревшая...

Деда настолько уважали, что, когда его арестовали и он сидел в Метехском замке, к нему зашел большевик Думбадзе и спросил: «Отец, а что вы тут делаете?» – «Не знаю. Арестовали и посадили». – «Знаете, отец, у меня есть право освободить одного человека. Вы свободны». Вот такой у него был авторитет даже среди большевиков.

Убили его комсомольцы. По своей инициативе убили, чтобы выслужиться. Говорят, это было подстроено. Его позвали на крестины, и он пошел. Ночью. На обратном пути его встретили трое. Дед был здоровый и сильный человек. Ему маузером проломили голову. А какая там медицина в деревне, какие врачи... Он умирал. Мой отец и его старший брат, которые в это время бродили по лесам и во-

С мамой Шушаной Мжаванадзе

евали с большевиками, узнав, что дед умирает, вернулись в деревню... Отец просил деда сказать, кто на него напал. Дед ответил: «Не скажу, потому что ты будешь мстить». И с этими словами умер. Деревня была маленькая, и отец потом, конечно, узнал, кто убил. Это были свои же деревенские парни. Но он их не тронул. А в 1937 году этих самых комсомольцев сослали в лагеря. Там они и сгинули. Я спросил отца, когда он вернулся из ссылки: «Скажи мне все-таки, кто это был?» — «Не скажу. У них дети, внуки, они думают, что их отцы — порядочные люди, которых безвинно репрессировали».

А в начале 1990-х мне позвонила родственница и сказала: «Я назову фамилии тех, кто убил твоего деда». Я ответил: «Не надо. Все. Кончен разговор».

В 1924 году в Грузии подавили антисоветское восстание. Старший брат отца Баграта успел перейти границу с Турцией, потом очутился в Париже, где и прожил очень долгую жизнь. А отца выдал тот же самый человек, который перевел через границу Баграта — вот какие парадоксы бывают в жизни. Отца арестовали и посадили в тюрьму. По-моему, он только тем и

занимался, что все время сидел в тюрьме.

Его окончательно арестовали в 1937 году. По доносу. Не понятно, почему на него донесли? Партийным работником он не был, в партии не состоял, высокую должность не занимал, квартира была обыкновенная, не отдельная. Отец работал судебным исполнителем, но слыл известным кутилой. И, кстати, когда вернулся из лагеря, то продолжил жить так, как жил всегда... В доносе было сказа-

но, что он хочет убить Сталина. В конце концов на допросе он сказал следователю: «Отстаньте от меня, иначе я скажу, что руководителем нашей группы были вы». Это подействовало, ведь сказанное не проверялось. Но на одном из допросов следователь объявил: «Сократ Лаврентьевич, я вас поздравляю, у вас родилась дочь. Но вы ее никогда не увидите».

Отца сослали в лагерь на 10 лет. Кстати, не прошло и двух лет, как в том же лагере очутился и следователь, который вел его дело. На колени встал перед отцом: «Сократ Лаврентьевич, извините, такое время было». Никто не был гарантирован от ареста. И не было гарантии, что если ты выслужишься, то тебя не тронут... Летом было следствие, а глубокой осенью их отправляли в лагерь. Поехали они в Сибирь. Снег, мороз. По пути, когда поезд останавливался, вагоны открывали и их выпускали. Куда сбежишь? Некуда. Привезли их на место. Чистое поле. Столбы. Барак номер один, барак номер два... Жить хотите? Вот пила, вот топор, вот лес. Стройте себе бараки и живите. Построили. Отец с большой неохотой вспоминал: если кто-то из заключенных падал, то его даже не трогали — значит, все, конец, уже не встанет, нечего с ним цацкаться. «Я, — рассказывал папа, — тоже не выдержал, упал. А все пошли дальше. Но мимо ехали сани, и в них сидел сосланный эстонец. Он был в

В детском саду. 1940

Б. Цуладзе на киностудии

С Сергеем Параджановым

привилегированном положении – врач. Вокруг валялись люди, но он подобрал почему-то меня. Бил, чтобы привести в чувство. И привел. Потом извинялся, что это был единственный способ». Судьба!

Отец терпеть не мог всяких воров в законе. Все они были

Кадр из фильма «Блондинка за углом»

связаны с охраной, все! Омерзительные люди. Измывались над политическими, считали их подонками и предателями. А воры и убийцы были для них своими людьми. Ну, украл, ну, убил кого-то – подумаешь!

Отца, как и многих, все время перемещали из лагеря в лагерь. В очередном лагере начальником был поляк. Видно, ему все надоело – он понял, что сидит в дерьме и беспробудно пил. Кстати, я читал, что все чекисты, которые допрашивали и расстреливали, спились. Вначале они делали эту работу с охотой, а потом не выдерживали. Так вот, в один прекрасный день этот начальник-поляк вызвал одного из воров и говорит: «Собери всех своих – ночью расстреляем политических. Надо яму выкопать заранее». Тот собрал людей, они отправились копать, вырыли огромную яму. И начальник расстрелял всех. А остальным сказал: «Если хоть раз услышу, что над политическими издеваются, всех перестреляю». Фантастика! Но так было.

Помню, когда я поехал снимать свою короткометражку «Город Горький» – а отец под конец срока был на лесоповале в Горьком – он мне сказал: «Я тебе письмо дам для начальника лагеря, передашь». Я возмутился: «Папа, как тебе не стыдно? Какой еще начальник лагеря?» – «Знаешь, что я тебе скажу – если бы не он, многие

Баадур и Леди

бы не выжили». Да, разные были люди...

Однажды произошло вот что. Зашел в наш двор какой-то холеный мужчина. «Извините, пожалуйста, Сократ Лаврентьевич Цуладзе здесь живет?» – «Здесь». Позвали отца, он вышел, увидел этого человека, и они бросились обнимать друг друга. Выяснилось, что он мальчишкой, когда началась война, испугался фашистов и перешел границу. Его тут же сцапали. Школьника в коротких штанишках арестовали как шпиона! И этот человек сказал: «Если бы не ваш отец, я бы не выжил». Все что угодно могли сделать с мальчишкой. Но папа взял его под свою защиту, и мальчик спасся, вернулся домой и приехал к отцу начальником всего «Курортторга» Западной Украины. Звали его Михаил Тыняк».

Дмитрий Брикман

«ТЕНИ» ДМИТРИЯ БРИКМАНА

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло с моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана...»

Текст великого романа сразу вспыхнул в памяти, когда я оказалась перед одной из работ, представленных в уникальной экспозиции известного израильского фотохудожника Дмитрия Брикмана. Снимок, воскресивший булгаковские строки, настоящее произведение искусства, запечатлевшее кроваво-красный закат над древним городом. Однако «тьме» на протяжении многих веков так и не удалось поглотить Иерусалим – он стоит незыбле-

мый, вечный и поныне, притягивая тысячи самых разных людей, как мощный магнит, вдохновляя писателей, художников, философов, верующих и атеистов. Тема тбилисской выставки Дмитрия Брикмана – «Иерусалим не просто город». В основном это фотопортреты. Крупные, выразительные планы представителей разных наций, конфессий, поколений. Они и выражают суть, атмосферу Иерусалима. Вместе с экспозицией в выставочном зале Тбилисского музея истории «Карвасла» был представлен фотоперевод «Молитва Иерусалима», составленный из фрагментов 25 молитв трех основных религий великого города. Молитвы озвучил сам автор – Дмитрий Брикман.

– Дмитрий, вы во второй раз посещаете нашу страну. Что привело вас в Грузию впервые, два года назад? Стремление «увидеть увиденное», если пользоваться вашей профессиональной формулировкой?

– Два года назад я познакомился с замечательными тби-

лисцами – главным редактором журнала «Русский клуб» Александром Сватиковым и фотографом Юрием Мечитовым во время двухнедельного пребывания с семьей в Грузии. Планов поначалу не было никаких, но через два дня я уже ничего не успевал, – хотелось побывать повсюду, в самых разных местах, вокруг появилось много людей, друзей – Майя Дейсадзе, Ирэна Оганджанова, Жанна Давтян, Тони Бичошвили... Грузия в этом плане какое-то фантастическое место!

– У вас есть впечатляющие циклы «Глаза Армении», «Глаза Японии» и т.д. А Грузия вас вдохновила на создание подобного проекта?

– Да, цикл «Глаза Грузии» уже существует. Надеюсь, я его расширю, буду сюда приезжать еще и еще раз. «Глаза Армении», «Глаза Японии», «Глаза Америки», «Глаза Израиля»... Это достаточно большой проект. Но не нужно путать – это не «глаза армян» или «глаза грузин». Я паппорт, когда фотографирую, не спрашиваю. Просто глаза – са-

мое говорящее, то, что рассказывает о народе, о человеке, о стране. И глаза могут принадлежать гостю – не обязательно человеку, постоянно живущему на этой земле. Главное – человек, который сейчас, в данное мгновение смотрит на окружающий мир, и эта страна, эти ощущения, состояние души отражаются в его глазах.

– А чем глаза Армении отличаются от глаз Грузии?

– Да ничем. Везде – люди. Я даже не пытаюсь различать. Глаза – это скорее какая-то дверь. Или просто окошко, в которое смотришь. И важно, какой вид открывается перед взором человека. А перед ним – целая страна! И ты вглядываешься через глаза людей в страну. Про Армению могу рассказывать очень долго – открыл ее для себя пять лет назад и езжу туда каждый год. Там проходит международный фестиваль современного искусства и духовных фильмов FRESCO, на который меня приглашают. Я очень много писал про Армению, очень люблю эту страну. Мне так нравится, когда армяне шутят над грузинами и наоборот. Это настолько правильно, настолько естественно... Чем глаза Армении отличаются от глаз Грузии? Могу сказать о том, что общего между двумя народами. И там, и здесь – огромная доброжелательность, любовь, юмор. Вот пример. Прилетели мы в Грузию в два часа ночи. Человек, у которого сняли квартиру, встретил нас в аэропорту. Я увидел мужчину с печальными глазами и с висящей на груди табличкой: «Брикман». Подошел к нему и говорю: «Брикман – это я». А он посмотрел на меня печально и говорит: «А я – Робинзон» Я решил, что он так шутит – для меня это имя ведь раньше ассоциировалось только с героем Даниэля Дефо! Оказалось, что нет. И я сразу почувствовал, что оказался в «моем месте». Иногда приезжаешь в прекрасную страну с замечательными людьми, но чувствуешь себя чужеродным. Это не значит, разумеется, что страна или люди плохие. Скорее это вопрос ментальности и кодов поведения. К примеру, в Японии. Ее очень трудно осоз-

нать, понять. Можно это, кстати, попытаться сделать именно через глаза людей. Потому что японская маска многое скрывает, а вот глаза врать не могут. Что касается Грузии, то здесь у меня полное ощущение совпадения с местом – мне абсолютно комфортно в этой стране. Юра Мечитов за пиршественным столом произнес тост: «За нашего Диму!» И я очень горжусь этим титулом – «наш».

– Расскажите, пожалуйста, о выставке, которую вы привезли в Тбилиси.

– Для меня Иерусалим – бесконечная анфилада дворца. Но не дворца в обычном понимании этого слова. На первый взгляд это шумный, крикливый город. А для меня – действительно бесконечная анфилада с длинным сквозным рядом комнат. И я оказываюсь то в одной, то в другой, то в третьей... На протяжении ве-

ков сюда то одни приходили, то другие, и все чувствовали себя здесь хозяевами. А Иерусалим смотрел на все это, молчал и молча впитывал в себя этих людей. Иерусалим – город, который кого-то не принимает, выталкивает, а кого-то – наоборот.

– Продолжу, если позволите, вашим текстом из аннотации: «Иерусалим – это калейдоскоп, который вы крутите и видите, как все перемешивается, создавая непрерывно меняющуюся гармоничную картину. Говорить про этот город словами, видимо, вообще бессмысленно. Да и не город это вовсе. Скорее, безнадежно запутанный клубок человеческих страстей. А может, их зеркало. Или пуповина, соединяющая то, что здесь, с тем, что не здесь. Каждому он открывается по-своему».

Благодаря вам, Дмитрий,

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ТБИЛИСИ ИМЕНИ ИОСЕБА ГРИШАШВИЛИ «КАРВАСЛА»

ИЕРУСАЛИМ НЕ ПРОСТО ГОРОД

8-18/02/2002 Дмитрий Брикман. Фотография

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПОСОЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В ГРУЗИИ

придумал слово «фотоперевод». Есть образы, которые мы можем объяснить, а есть такие, которые мы объяснить не можем, — нам легче показать картинку. Разумеется, фотоперевод не подменяет собой текст. Он помогает прочесть в тексте то, что невозможно выразить словами. Не иллюстрирует его, а дает возможность увидеть скрытое между буквами. Фотоперевод неоднозначен хотя бы потому, что каждый человек в любом образе наверняка увидит что-то свое, отличное от увиденного другим. Так уж мы устроены, что некоторые вещи нам проще понимать при помощи слов, а некоторые — при помощи образов. Мы же мыслим на языке и слов, и образов. С помощью слов мы пытаемся выразить наши образы. Как выразить любовь? Да никак! Вот и начинаются какие-то вербальные игры. Когда я подложил один язык под другой, заработали оба. В фотографиях обнаружились новые глубина и смысл, а в тексте проявился второй, третий план. Причем не обязательно тот, что я вкладывал.

фактически родился новый жанр – фотоперевод. Как это произошло?

— История достаточно долгая. Она началась с того, что я заболел Екклесиастом («Екклесиаст» — книга, входящая в состав иудейского Священного Писания (Танах) и Ветхого Завета Библии). Обычно, когда спрашиваешь интеллигентного человека, читал ли он Екклесиаста, ответ такой: «Давно, не помню...». Значит, не читал вообще. Это гениальная книга, выпадающая из остальных библейских текстов. Потому что это единственная книга Библии, написанная в жанре исповеди. Все остальное, на мой взгляд, очень дидактично. Я читал и перечитывал Екклесиаста, и на определенном этапе у меня возникло ощущение, что со мной разговаривает какой-то пожилой, умудренный опытом человек. У Ремарка есть роман «Ночь в Лиссабоне», в котором похожая ситуация: незнакомец в кафе рассказывает герою историю своей жизни. Вот примерно такое же ощущение возникло и у меня. Я заболел этой книгой, мог ее цитировать наизусть. Ну и параллельно фотографировал. И однажды оказался в Макао. Это такой полу-Лас Вегас, недалеко от Гонконга. И там, в старом городе, я увидел, как по улице движется человеческая река кого-то огибающая. Этот «кто-то» был морщинистый пожилой молчаливый китаец. Вдруг во мне что-то щелкнуло. Я увидел тот самый образ человека, рассказывающего мне свою жизнь. Вернувшись в Израиль, посмотрел отснятые фотографии, и понял, что долгое время снимал образы из Екклесиаста, потому что видел наш мир через призму книги. И тогда я прочитал этот текст и подложил под него фотографии, которые, на мой взгляд, совпадали с текстом. Получился перевод с языка вербального на язык визуальный. Это получившееся надо было как-то назвать, и тогда я

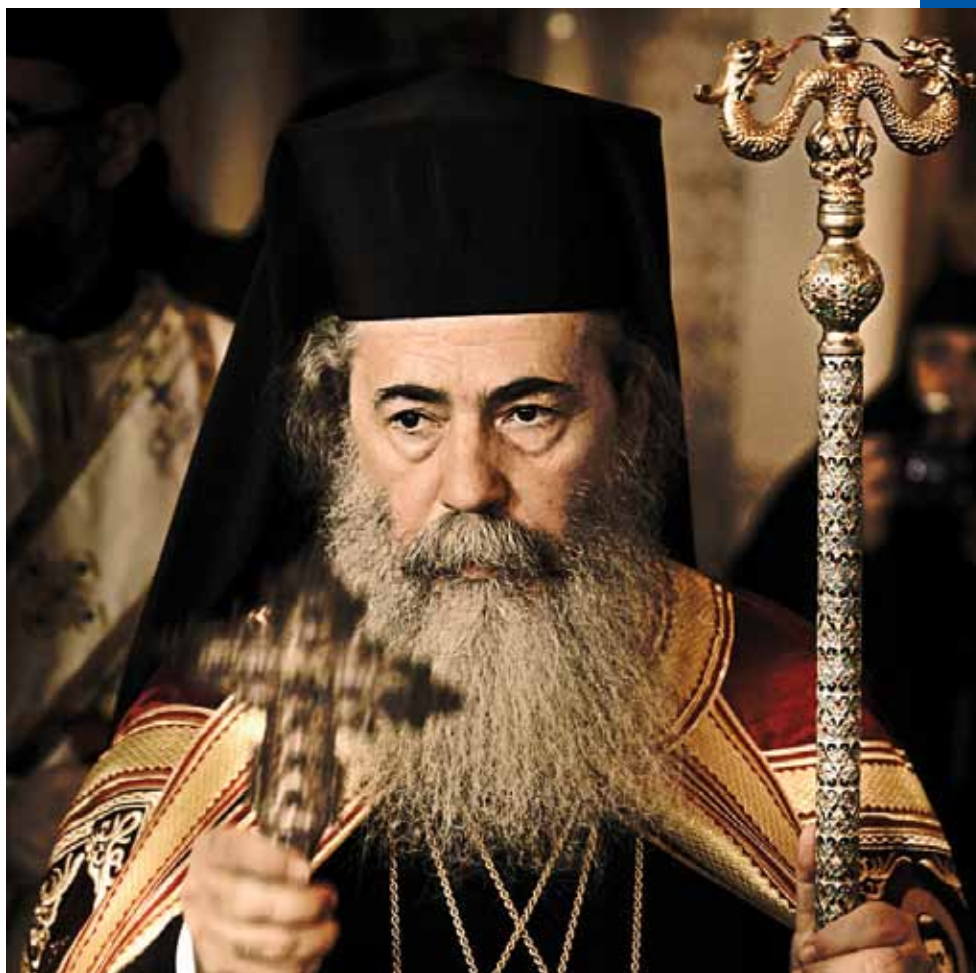

Вы можете увидеть свой смысл, образ, а я свой. Мужчина и женщина видят по-разному...

Цитата с сайта Дмитрия Брикмана:

«Если, например, один человек спросит другого, сколько будет «два плюс два», ответ «четыре» будет ему абсолютно понятен. А вот если он спросит, что такое «судьба», то, скорее всего, ответ понятен не будет. И отнюдь не потому, что один человек не может словами объяснить это другому человеку. Просто люди все уникальны и мыслят, соответственно, каждый в своей системе координат. И, как правило, системы эти одна с другой плохо совпадают. А вот если вместо попытки дать словесное определение второй человек скажет: «Судьба, это...» и покажет фотографию дороги или дерева, или реки, или берега океана, первый человек поймет второго сразу. Причем поймет в системе своих жизненных координат. И дальше заработает совершенно неожиданный механизм, заложенный в основу фотоперевода – человек сможет услышать в тексте не то, что подразумевал переводчик с одного языка на другой, подбирая слова, определяющие образы в разных культурологических системах координат, и даже, страшно сказать, не то, что написал автор. Он сможет увидеть услышанное и прочитанное. Увидеть и создать свой собственный перевод. Вполне возможно, что перевод этот будет очень сильно (если даже не кардинально) отличаться от того, что имел в виду автор, но... Когда вы ныряете в океан в поисках гармонии, вы же совершенно не обязаны перед этим исследовать минеральный состав воды на содержание в ней соли. Главное для вас то, что эта вода вас держит и дает возможность искать искомое. А как она это делает – совершенно неважно».

– Я послал фотоперевод писательнице Дине Рубиной, и она сказала, что у меня родился жанр. А потом было много чего. К примеру, «Молитва Иерусалима» – тоже фотоперевод. Молитва – это не только то, когда человек сорок раз повторяет «Господи, господи!» Молитва – это

слова, обращенные к Богу, когда человеку уже не к кому больше обратиться... Иерусалим – город, куда приходят представители разных монотеистических религий с этими словами. Они говорят по-разному, на разных языках, разным способом обращаясь к Богу. При этом все хотят одного и того же: счастья, здоровья, любви – детям, себе. Простые очень вещи. Я собрал слова 25 молитв разных религий этого города, перемешал их, прочел получившийся в результате текст и подложил под него фотографии людей, молящихся в Иерусалиме – не связывая это с определенной религиозной конфессией. Все было перемешано! На выставке я тоже сознательно всех перемешиваю, потому что Иерусалим – цельный, единый город. Его нельзя делить.

– Потом у вас появился фотоперевод «Дао Дэ Цзин». Смело!

– Монахи тратят всю жизнь на то, чтобы познать одну главу, одну фразу этой великой книги. Я посмотрел на нее по-другому – как на некий океан. В океане можно много чего найти. Кто-то исследует водоросли, кто-то – дно океана, кто-то его обитателей, кто-то просто плавает и кайфует от этого. Мне было интересно нырнуть в этот океан, и я много чего оттуда взял. Но понимаю, что это – одна тысячная из того, что можно из него вынести. В этой работе интересная история получилась с прочтением. Обычно тексты для фотопереводов я читаю сам. И тут попытался это сделать. Но... не получилось. Тогда я остановился, огляделся по сторонам и понял, что на русскоязычном пространстве есть только один человек, который может прочитать этот текст так, как надо – поэт и музыкант Борис Гребенщиков. Среди его талантов есть один поразитель-

ный – он умеет сложные вещи говорить просто. Я попросил Бориса прочесть пару глав, подложил его прочтение на тайм-лайн фотоперевода вместо своего и понял – это именно то, что надо. Я позволил ему, рассказал о том, что получилось и попросил прочесть весь текст. После того, что я увидел и услышал, было понятно, что читать может только он. Борис согласился. Так получилась история с длинным названием: «Фотоперевод Дао Дэ Цзин. Текст читает Борис Гребенщиков». Потом сделал фотоперевод Шостаковича – он называется «Иерусалимский сон Дмитрия Шостаковича». Мне было интересно выразить фотографией свое понимание музыки композитора. Как ни странно, фотоперевод Шостаковича стал своеобразным продолжением «Дао Дэ Цзин». Один проект как бы перетек в другой. А что касается определения, что такое фотоперевод... Недавно мы с моим другом Борисом Шойтовым сформулировали так: «Фотоперевод – это перевод текстовой или музыкальной семантики в эмоциональное движение души посредством языка фотографических образов».

– Может быть, ваши последователи, ученики будут развивать новый жанр, пойдут по вашим стопам.

– Не знаю, но если кто-то решит фотопереводом заняться, надо учитывать один очень важный момент. Вот, к примеру, на ютубе звучит какое-то музыкальное произведение и его сопровождает фотовидеоряд. Или наоборот – есть какой-то фотовидеоряд и появляется музыка. В обоих случаях

один элемент доминирующий. А в фотопереводе нет доминирующего элемента. Эти разные образные языки – текст, музыка, фотография, несущие разную смысловую нагрузку, переплетенные воедино. С автором потом можно спорить, возмущаться, удивляться, почему у него здесь такой образ, когда нужно было совершенно другое. Пусть – ведь это значит, что человек УСЛЫШАЛ!

– **Израильский художник Игорь Палей написал картину «Поэма экстаза» – под впечатлением от музыки Скрябина. Это тоже перевод – но на язык изобразительного искусства.**

– Есть разница – художник пишет то, что хочет, а я отображаю то, что вижу. Это немножко другая история. Конечно, тут есть элемент субъективности. Но художник более свободен в ассоциативном плане. К примеру, Александр Флоренский, автор иллюстраций к культовому трехтомнику Сергея Довлатова, определенным образом увидел писателя – и получилось гениальное попадание в текст. По большому счету обложка, оформленная художником Флоренским, очень много добавила к истории писателя Довлатова. Но так придумал Александр. А в фотографии я не придумываю – я просто фиксирую увиденное. С другой стороны, у зрителя возникают свои ассоциации – не те, что вижу я. И это нормально.

– **Фотографией вы начали заниматься довольно поздно, не так ли?**

– Да, когда оказался в Иерусалиме, когда понял, что должен эту историю осознать. Потому что для меня фотография – инструмент, а не самоцель. Я не умею снимать цветы или красоты ландшафта. Мне

в этом случае нечего сказать. Не мое! Это не хорошо и не плохо, просто каждый выбирает и находит свое направление. Мне неинтересно снимать в студии, и я этого никогда не делаю. Я хочу осознавать реальность, а не создавать ее. Съемка в студии – создание реальности, съемка на улице – осознание реальности, понимание того, что ты видишь. Второе мне ближе. Когда я окунулся в вечный город Иерусалим, появилось желание осознать. Как художник – он ходит, ходит по городу, наблюдает, а потом берет в руки краски и начинает писать. А я взял в руки фотоаппарат.

– **Вы проводите мастер-классы. Попробуете научить видеть фотоаппаратом. Назовите три основополагающих принципа фотоискусства.**

– О! Целую книжку про это написал. Она называется «Фотография. Увидеть увиденное». Человек не видит того, что он не знает и не понимает. Поэтому, кстати, я и не могу снимать цветочки.

Во-первых, вам должно быть интересно! То, что вы снимаете, должно у вас вызывать эмоцию – положительную или отрицательную. Любую. Вы не можете сфотографировать то, что вам безразлично – нужно стремиться что-то осознать, понять. Как только тебе становится неинтересно, это немедленно видно в кадре. Правда, иногда фотографирование интересного принимает уродливые формы – как, например, эпидемия селфи. Это проявление нарциссизма – человеку интересен лишь он сам!

но правильное кадрирование.

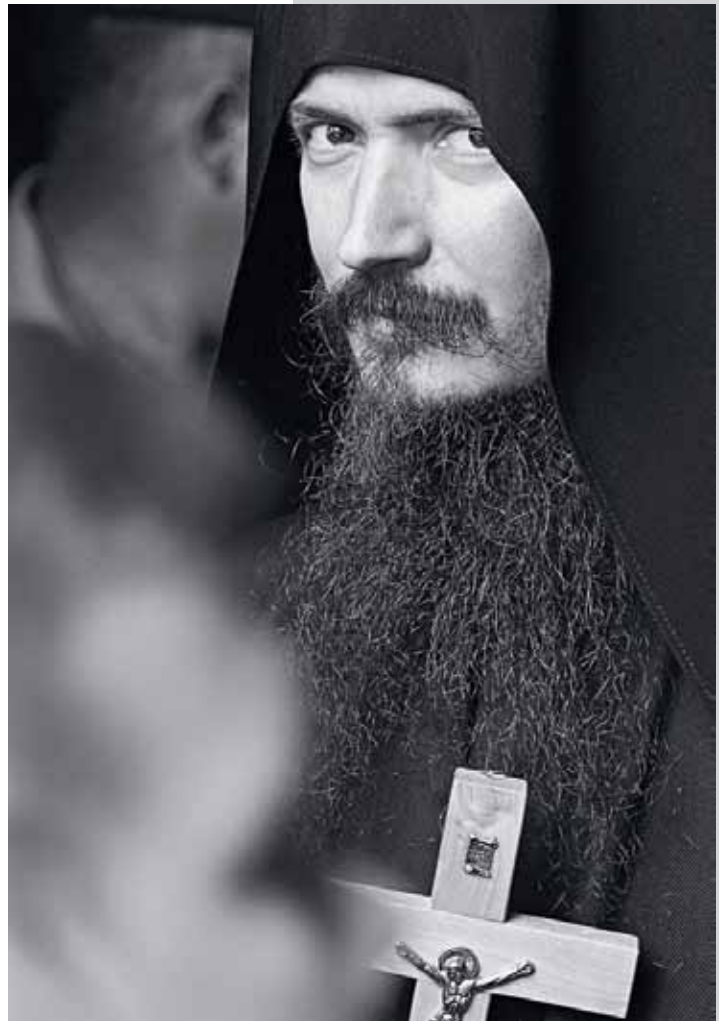
– Коснемся еще одной вашей творческой ипостаси – популярной программы «Детский недетский вопрос», автором и ведущим которой вы являетесь.

– Я делаю ее очень давно, это достаточно большой кусок моей жизни. Подготовка программы занимает очень много времени. Так получилось, что однажды я стал собирать детские вопросы и задавать их взрослым: «Что такое честь?» «Порядочность?» «Почему люди воюют?» и т.д. В три года мальчик спрашивает: «Кто я?», и это тоже инструмент познания, понимания мира. Одно подталкивает к другому.

Сначала передача шла на радио, потом перекочевала в интернет. За четырнадцать лет у нас побывало огромное количество потрясающе интересных людей. В интернете лежит более 150 выпусков программы.

Второе. Я снимаю людей – у меня очень много портретов. Меня всегда спрашивают, не стыдно ли мне фотографировать человека в момент молитвы. Вот и в Тбилиси снимал в Сионском соборе во время службы... Снять можно что угодно. Вопрос в другом: что ты будешь потом показывать. Я никогда не сниму монашку в задранной ветром рясе. Почему? Потому что это никогда не покажу и, соответственно, смысла снимать не вижу. Универсальное правило этики, которое, разумеется и для фотографов тоже подходит, сформулировал две с половиной тысячи лет тому назад Рабби Гиллель. Молодой человек обратился к Гиллелю с просьбой, чтобы великий учитель изложил ему все законы Торы, за то время, в течение которого юноша будет стоять на одной ноге. Гиллель, известный своим терпением, не счел эту просьбу дерзкой и неуважительной и дал исчерпывающий ответ: **«Не делай ближнему своему того, что не желаешь, чтобы делали тебе. Это вся Тора, все остальное является комментарием к ней. Иди и учись».** Так вот, прежде чем что-то выставлять на всеобщее обозрение, вставьте себя в эту фотографию. Хотел бы ты там быть? Не обижает ли это тебя? Если нет, выставляй... Вот такой разговор с Богом, по большому счету. У каждого человека свой уровень этики: каждый выбирает для себя.

Третий момент касается «золотого сечения», кадрирования. На мой взгляд, большая часть успеха фотографии – имен-

– А как вы сами отвечаете на вопрос «Кто я»?

– Основополагающий вопрос. К примеру, артист Ефим Шифрин, глубокий и очень тонко чувствующий человек, ответил на него так: «Я? Фима!». Вопрос «Кто я?», по сути, касается смысла жизни и переходит в «Зачем я?». Смысл жизни – в реализации твоих талантов. Таланты – очень важная составляющая нашего «Я». И я стараюсь реализовать то, что мне дано.

– Многие стремятся к этому, но не у всех получается.

– Нет неталантливых людей! Вопрос в том, реализовал человек свой талант или нет. Или думал одно, а оказалось совсем другое. Существует немало людей, которые заработали кучу денег и вдруг все бросили. Это понятная, но сложно объяснимая история. Деньги? В моей передаче участвовали очень богатые и совсем не богатые люди. Я спрашивал своих гостей о том, что такое успех, и ни один из них не сказал про деньги, ни один! Кто я? Человек, который более или менее успешно старается реализовать то, что в меня заложено. Ребенок интуитивно нащупывает

свой талант. «Я хочу рисовать... хочу петь... хочу ездить на велосипеде!» Он ищет то место, где может реализовать свой талант. Талант легко найти – он находится на том поле, на котором ты счастлив. Талант не может быть там, где ты несчастлив. Конечно, талант – не всегда радость, солнце, свет. Любое настоящее творчество – процесс мучительный. Но самое ужасное, когда талант меняют на что-то другое.

– Что происходит в вашей жизни сейчас?

Сейчас у меня одновременно проходят четыре выставки. Одна – в Тбилиси, две – «Молитва Иерусалима» и «Тени Иерусалима» – в Москве. А в Израиле – «Тени». «Тени» – очень важный для меня проект, тема. Это как раз про то, кто я? Я бы очень хотел привезти ее в Тбилиси. Предисловие к ней такое: «Так получается, что однажды мы приходим в этот мир. Мы в нем взрослеем, ходим по его дорогам, встречаем других людей, сходимся с ними и расходимся. Мы реализуем свои таланты и амбиции, что-то покупаем, за что-то боремся, что-то строим, что-то творим. И на каком-то этапе у нас появляется

чувство, что мы хозяева этого мира. Потом это чувство уходит. А потом уходим и мы. Уходим, не взяв с собой отсюда ничего из созданного нами и не оставив здесь ничего из понятого и прочувствованного. Потому что таковы правила, и те, кто придут за нами, сами должны будут все и понять, и прочувствовать, и пройти теми же дорогами. А все, что останется от нас, – это неясные размытые тени. Останется на некоторое время. Потом уйдут и они. Тени». Об этом выставка. На первый взгляд выглядит очень безнадежно. Но на самом деле это не история о бессмысленности жизни, а ровно наоборот. Любой человек на каком-то этапе оказывается перед вопросом: зачем я родился? Будь ты высоколбый интеллектуал или простой обыватель, вопрос так или иначе встанет перед тобой! А история выставки «Тени» о том, для чего ты НЕ родился. Когда ты отталкиваешься от того, что не важно, ты начинаешь видеть то, что важно.

Фотографии Дмитрия Брикмана из серии «Иерусалим не просто город»

ТБИЛИССКИЕ КАНИКУЛЫ

■ **Медея АМИРХАНОВА**

В квартире раздался длинный междугородный звонок. Телефонистка коротко бросила «Рига». Илзе радостно затараторила в трубку:

– Риммочка! Посылаю к вам Паулу на две недзели. Будь с ней построже, не стесняйся. Самолет 16 июля, в 12.00. Целую!

Илзе – наша латышская невестка, жена племянника бабушки – Кости. Смешливая, светлая, как янтарный камешек, красивая. Ее фотографию не стыдно повесить в парикмахерской. Когда в нашем доме появляется Илзе, становится шумно, и интересно. Она учит нас делать многослойные бутерброды из всего, что попадет под руку. Селедка с яблоком, огурец, сыр, помидор, колбаса, маринованная капуста. Вкусно же?! Илзе бурно реагирует на все, что показываем ей во время прогулок по Тбилиси. Горгасали – «Ооо!». Бани – «Ух ти, хочу париться!». Трамвайчик на фуникулер – «Мамочка, я

умру от счастья!». Илзе пахнет Балтийским морем, сосновым лесом и «Дзинтарсом». Туалетная вода, дезодоранты, духи, лаки для волос занимают полтрельяжа. Илзе пахнет шоколадом «Лайма» и черным рижским бальзамом из ягод, трав и кореньев. Я ташу шоколад во двор, потому что счастьем надо делиться. Шоколад съеден. В обмен на новую порцию конфет предлагаются: ландыши, колечки из цветной телефонной проволоки, два круга на велике, две горсти черной туть...

Глядя на Илзе, я понимаю, почему Костя не вернулся после службы в Тбилиси. Костя тоже красивый – высокий, худощавый, холерный брюнет с правильными чертами. Ему идет шляпа и ракурс вполоборота.

Пауле, их приемной дочери, недавно исполнилось 14 (она старше меня на четыре года). Илзе говорит, что у нее переходный период. Паула веселая, дружелюбная, любопытная,

болтушка и хулиганка, и скоро она перевернет нашу тбилисскую квартиру вверх дном.

Идет! В толпе пассажиров ее видно издалека. Два пепельных хвоста, голубая юбка-клеш, майка с велосипедом. Улыбается оттуда.

Сразу после официальной части – встреча на желтом «Запорожце» в аэропорту – Паулу ждали дымящиеся хинкали с щекочущим нос черным перцем, бидон холодного кваса, салат из огурцов и помидоров с базиликом, заправленный кахетинским маслом, кисленький джонджоли с колечками лука (заказ гостыи) и еще масса вещей, которые она не просила – аджапсанда, чахохбили, пхали, сыр сулугуни и прочее. «Оттуда сюда приехала, чтобы одни хинкали кушать?» – слова моей бабушки. «Не крутитесь на кухне, не мешайте готовить».

У Паулы, к счастью, оказался хороший аппетит. Я показала ей комнату, ее поселили вместе со мной в детской и помогла упаковать вещи. Вечером мы пошли во двор.

Паула смотрела во все глаза и не переставала удивляться.

– Этта что такое?

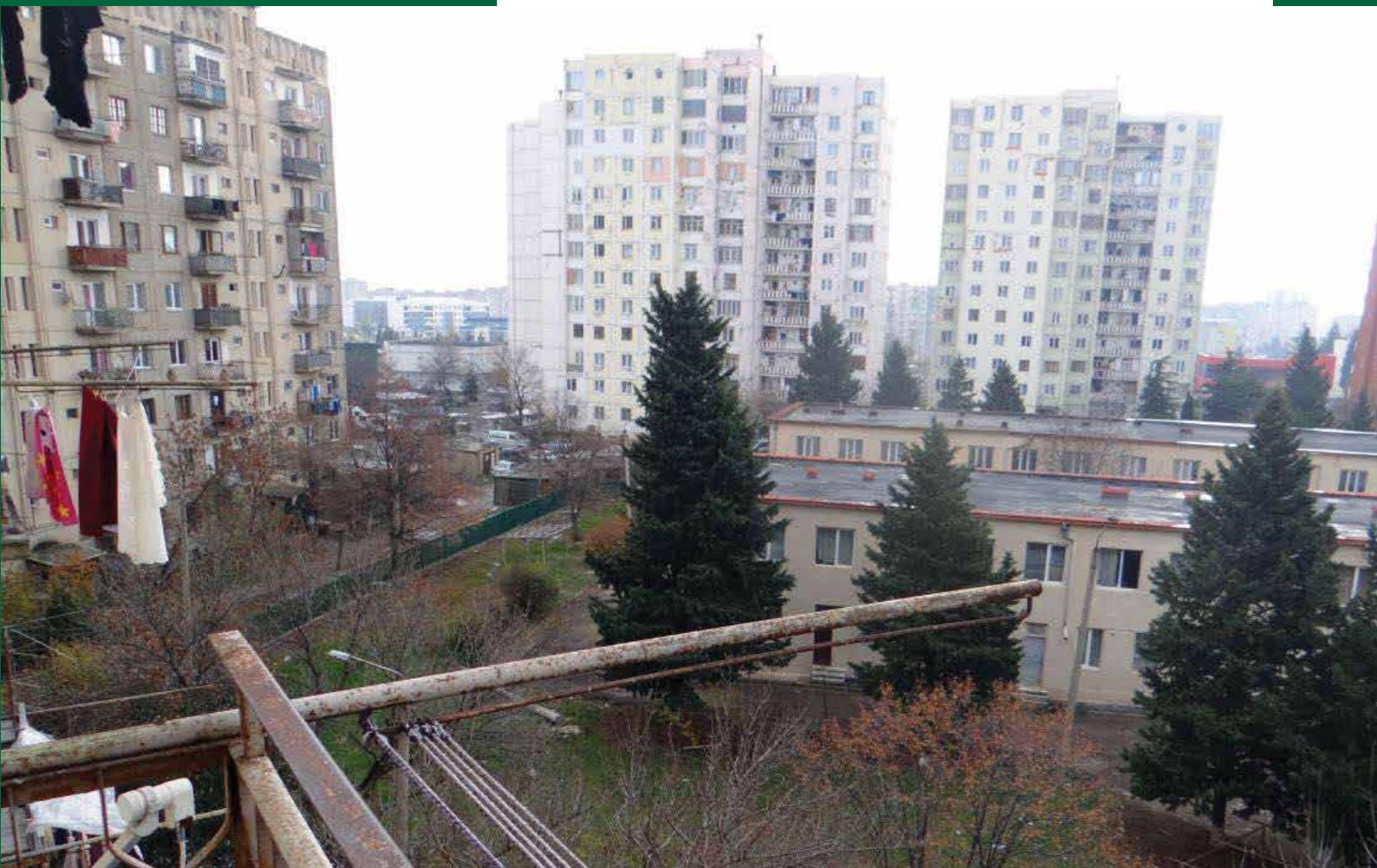
– Мамало, то есть леденцы на палочке.

По вечерам в наш двор приходила женщина, продававшая мамало. Огромные красные петушки на длинной деревянной палочке. Иногда еще попадались белки. Если продавщица мамало на какое-то время исчезала, мы готовили леденцы доморощенным способом. Сыплешь в столовую ложку сахар, добавляешь воды, и держишь ее над газовой конфоркой, пока карамель не начнет пузыриться. Зазеваешься – ложка чернеет, и у карамели жженный вкус.

– Мне два, – сказала Паула, протягивая продавщице мелочь. Она облизывала их по очереди – сначала петушка, потом – белочку.

Ровно в шесть из-за угла дома показался продавец батти-бути. Это его вторая работа, днем он трудится стоянщиком. Лепит квитанции на лобовое стекло, под дождевик.

Пауле захотелось и «батти-бутти». Бело-розовый кучерявый, как барашек, шарик (скле-

енный сиропом поп-корн). Чуть позже она еще купила сладкую вату. Так как руки ее были заняты мамало, остальные покупки я несла в кульке, как оруженосец.

Вата начала слезиться янтарными капельками. Но ведь ее нужно есть воздушной, поднимая пыль из сахарной пудры, чувствуя колкие, тончайшие иголочки.

– Паула, ты точно все это съешь?

– Да, съем.

Паула взбирается на скамейку, и начинает ходить от одного ее угла к другому, как скачущий тигр в зоопарке. Скамейка примыкает к столу, за которым четверо соседей играют в домино. Длинные ноги в гольфах, едва прикрытые короткой юбочкой, маршируют туда – сюда. Игра разлаживается.

– Вай, чья эта красивая девочка, чье это чудо?

– Наша, – отвечаю соседу. Приподнимаю брови и всем видом показываю Пауле, что лучше ей сейчас слезть. Но она и не думает. Улыбается, пожимает

плечами. Да что я такого делаю?

Не знаю, как в Риге, но у нас так девочки себя не ведут. Следующие дни показали разницу в традициях. Как Паула постигала грузинскую жизнь, так и я жадно изучала их латышские порядки и повадки.

Паула не стеснялась первой знакомиться с мальчиками. Способы придумывала на ходу. Например, фруктовая бомбардировка. Сейчас расскажу, что это такое. Балкон наш был завален фруктами всякого рода – персики, сливы, яблоки, абрикосы, черешня и т.д. Кто попадал летом в Тбилиси, не даст соврать – это рай для фруктоедов.

Заметив на улице интересный объект, Паула кричала с балкона:

– Эй, мальчик! Поймаешь яблоко, узнаешь мое имя!

Объект слегка терялся, тарасил глаза, и, прежде чем успевал подумать, включался в предложенную игру.

– Лови!

Но Майклы Джорданы на нашей улице не водились. Пер-

сики и сливы размазывались об асфальт. Паула проявляла милость и давала второй шанс. Потом кокетливо представлялась:

– Меня Паула зовут.

На истребление фруктового запаса мама смотрела сквозь пальцы. Стоило это добро копейки, лишь бы гостя радовалась. В считанные дни Паула познакомилась с ребятами нашего двора, соседнего и еще того, что на трассе. Слава о ней шла семимильными шагами. Что есть вот такая необычная девочка Паула, которая бросается фруктами, рассказывает смешные анекдоты, говорит с иностранным акцентом, одевается не по-нашему, и все такое. Паулу такая популярность воодушевляла, будоражила и заставляла делать еще больше глупостей.

Июльскими ночами все окна открыты, и тбилисцы маются от духоты. На один бок повернешься, на другой. Не идет сон. Вместо одеяла – легкая простынь, дети спят голышом. И мы так спали. Точнее пытались

сомкнуть глаза. С улицы вдруг негромко позвали «Паула!». Я узнала голос – Эрик, наш сосед. Ему 14, ровесник Паулы. Высокий, с длинной шеей. Неплохой мальчишка, в сущности. Только эта вертлявая походка – от бальных танцев. Ча-ча-ча, самба, румба. В бальном costume очень уморительный.

– Паула! – голос позвал настойчивее.

Она сиганула в окно, в чем была – голый, представ по пояс в свете уличного фонаря. Эрик подавился словами. Ничего подобного за свои 14 лет он не видел. Это была первая эротика в его жизни, да еще не на экране, а наяву. Я тащила новоявленную Эммануэль за ногу, умоляя исчезнуть из оконного проема. Но она, видимо, открыла для себя новое чувство, ощутила какую-то силу. И теперь вовсю испытывала могущество женской красоты на бедном, враз поглупевшем Эрике.

Спустя несколько минут позирования, Паула все-таки юркнула в кровать. Но поздно. Эрик, как замороженный, не переставал звать к девушке из грез, к мимолетному виденью, к ночной нимфе. Паула! Паула! Паула!

Завтра мы собирались на озеро Лиси, на дедушкином «Запорожце». С вечера взрослые приготовили бастурму (замариновали мясо для шашлыка), нам велели взять купальники и соломенные шляпы. Лиси – это, конечно, не Балтийское море, но там тоже можно поплавать. Ах, как я люблю это место! Большие белые березы закрывают берег от солнца, из пляжного радио несется голос Леси Каландадзе – «Как весна я к тебе подкрался, и остался в тебе весною...». Ты плюхаешься в мокром купальнике на полосатый цветной шезлонг. Мокрое пятно стремительно расплзается по его ткани. Берешь кусочек холодного арбуза и отправляешь пряником в рот. Немного передохнешь и снова в воду, пока пальцы на руках и ногах не станут морщинистыми.

– Паула, выходи! – я машу ей рукой с кусочком шоти. Она радостно кивает и рывком отталкивается от буйка, поднимая брызги. Шашлык, приготовленный в лесу, вкусный. После плавания – вдвойне. Паула жует и смотрит куда-то в сторону холма.

– Я построю дом любви, – выдает она.

– Как это?

– Маленькая еще, не скажу, – смеется Паула.

Сразу на следующий день она принялась воплощать свою затею. Мальчишки с нашей улицы притащили откуда-то большие картонные коробки из-под мебели. Паула руководила, показывала, как сложить шалаш. На картонном строении она написала фломастером **ДОМ ЛЮБВИ**. Обвела два раза. Отошла, посмотрела со стороны – да, теперь хорошо.

Дети – девочки, мальчишки с нашего двора – столпились вокруг.

– А теперь что? – спрашивает Рома.

– Этам доме можно назначать друг другу свидани, – говорит Паула. – Можно объясняться любви, сказать, что тебе кто-тта нравится. И поцеловать этгао мальчика или девочку.

– Интересно, кто первый войдет в этот домик? – язвительно улыбается Алиса.

– Точно не ти! – осекает ее Паула. Разуваается, оставляет сандалии у входа и на четвереньках пролазит в дом. Она готова к признаниям в любви и дифирамбам.

Рома вдруг скидывает сандали и тоже лезет в домик.

– Ты мне нравишься, Паула,
– слышится изнутри.

Девочки переглядываются, таращат глаза, и открывают от изумления рты. Что делается! – написано на их лицах.

Рома выползает с красным лицом, ошалевший и счастливый. Лексо оглядывает его с ног до головы и тоже шагает к домику. Минута, и он пропадает внутри. Девочки мучительно прислушиваются, потом дергают с места.

– Пошли, мы в такие игры не играем.

Мне было смешно наблюдать за маневрами Паулы. Эти дворовые мальчики, которых поманили возможностью поцелуя, напоминали котов, сбежавшихся на валерьянку. Смешно до тех пор, пока в этот домик не полез Максик, который мне нравился. Эта противная Паула, негодяйка, как она могла!

За обедом я с ней не разговаривала, и она начала о чем-то догадываться.

– Ааа, я знаю! Эттаа Лексо?

– Эттаа Ромка?

– Эттаа Ладю?

– Эттаа Ника?

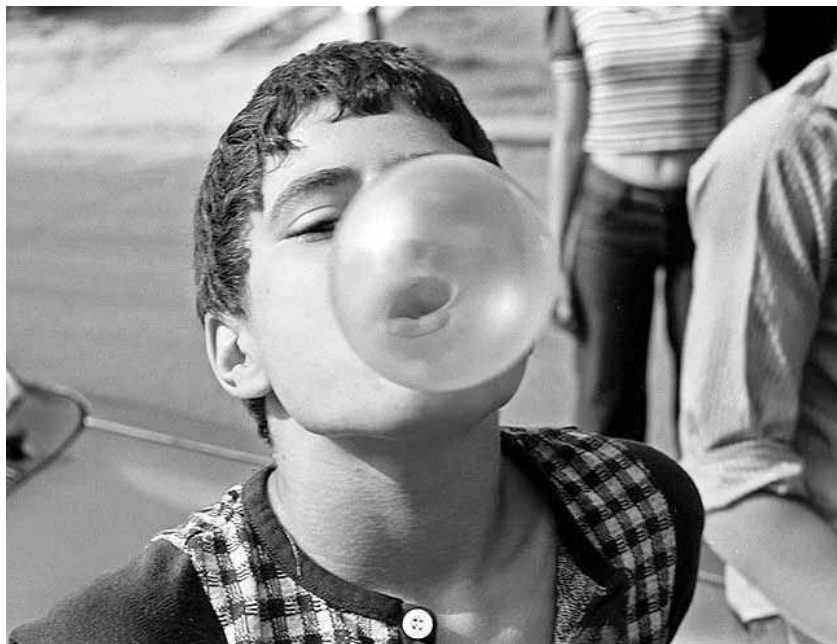
Она схватила меня за шею, душила со смехом и требовала:

– Говори! Говори!

– Отстань, отпусти, дурочка!

Илзе дала с собой Пауле 100 рублей. На всякие сувениры,

покупки, если ей что приглянется. До поры до времени Паула тратила их с умом. Но в один из дней она засобиралась в универмаг – за новыми кошами (туфли без задника). Ей понравились легкие открытые туфельки – зеленые в белый горошек, и еще с геометрическим узором.

Мы решили, что это все. Но Паула не собиралась останавливаться. Мама, конечно, попыталась мягко ее урезонить.

– Паула, детка, может лучше что-нибудь другое?

– Пожалуйста, я очень хочу, – взмолилась она.

Мама вздохнула. В итоге мы вышли из обувной секции с пятью коробками.

Паула стала тщательно одеваться, даже если шла в магазин. Подводить глаза. Совсем забросила дом любви. Причина таких изменений открылась мне как-то днем. Я увидела Паулу вместе с Тенго. С Тенго! Хулиганистый старшеклассник, который курил в школьном туалете, брал на испуг учеников помладше, задирал девочкам юбки. У Тенго уже усики над верхней губой, он бреется, но никак не окончит школу. Тенго – это не наши соседские мальчики, которые не стали бы причинять зла Пауле. Своими соображениями я поспешила с ней поделиться.

– Не лезь, ты ничего не понимаешь, – сказала она.

Вот для кого предназначались 5 пар туфель. Вот ради кого наряжалась Паула. Она была во власти нахлынувшего

на нее чувства. Если мы уезжали куда-то, просила пораньше вернуться домой. Ее больше не интересовали ни Ботанический, ни Муштаид, ни парк Ваке. Уверенность сменилась задумчивостью. Она попросила меня учить ее грузинскому.

Дело принимало серьезный оборот. Мама попробовала с ней поговорить:

– Паула, этот парень лет на пять старше тебя. У него не самая лучшая репутация. Я очень волнуюсь.

Паулу прорвало:

– Тетя Риммочка, я люблю его! И он тоже меня любит! Можетт, я останусь жить Грузи!

Она плакала навзрыд и не могла остановиться. Я гладила ее по голове и очень жалела. Паула пообещала, что будет видеться с Тенго днем и недалеко от нашего дома. Илзе мы ничего не рассказали.

До отъезда Паулы оставалось несколько дней. Однажды в полдень она вернулась домой в мокром, облепившем тело платье, босая и зареванная.

– Да что случилось? Кто тебя обидел? – с порога я закидала ее вопросами.

– Тенго.

Этот негодный Тенго толкнул ее в бассейн в парке. Причесанную, нарядную. Туда, где бултыхались с утра до вечера одни мальчишки. Обозвал маленькиной дочкой. Развернулся и ушел. Зеленые туфельки в горошек утонули в мутной воде.

Паула теперь мечтала вернуться в Ригу, считала дни. Я проснулась ночью от плача. Укрывшись простыней с головой, зарывшись в подушку, она самозабвенно рыдала.

– Паула, ты чего? Ну, хватит, – от жалости я тоже пустила слезу.

– Все равно я люблю его.

– Да подумаешь, дебилный Тенго. Тебя же все любят. Ты веселая, хорошая, все время что-то выдумываешь.

– А он не любит, – сиротливо ответила она.

***

За день до отлета Паула собрала детей, чтобы попрощаться. Она сидела на низкой крыше гаража, остальные девочки-мальчики вокруг. Рассказывала про реку Даугаву, белые ночи, праздник цветов Лиго, когда все в веночках, про котов на шпильях домов... Еще долго дети наше-

го двора вспоминали ее шутки, анекдоты и игры.

Дом любви простоял еще месяца два до первых осенних дождей. Эрик, видно, скучал по Пауле. Храня тайну июльской ночи, тоскуя, он пробрался как-то в домик и прокричал: «Паула, вернись!». Домик размяк, стал вафельным, и, наконец, припал к земле.

Четыре года спустя Илзе вместе с Паулой приехали в Тбилиси. Илзе не могла нарадоваться. Подростковая нервозность позади, дочка посерьезнела, стала сдержаннее. Паула действительно переменилась, как внешне, так и внутренне. Высокая, крупная, со стрижкой. Осознавая изменения, она и вела себя иначе. Больше не дурачилась, лишь вежливо улыбалась и кивала, как взрослая, старым знакомым. Ставя невидимый барьер этой своей взрослостью: ее не решались позвать во двор. «Это же Паула?» – на всякий случай переспрашивали мои соседи, чтобы развеять сомнения.

Мы ездили к озеру Базалети, на дачу в Кумиси. Илзе наслаждалась природой, общением, едой. Собирала садовую мали-

ну, черешню, с удовольствием полоскала ладони под железным ручкомойником, помогала накрывать на стол. «Как хорошо, я снова в Грузии!» – восклицала она. Паула участвовала, но без особых эмоций, чаще от-малчивалась.

Через два месяца мы получили письмо из Риги. Илзе сообщила, что Паула выходит замуж. «Так неожиданно. Оказывается, у Паулы есть парень, бойфренд. Мы с Костей ничего не знали. Видели Айварса в общей компании друзей. И Паула ждет ребенка. В Тбилиси уже знала про беременность, и молчала, как партизан! Мы познакомились с родителями мальчика, он из хорошей семьи, слава Богу! Будем играть свадьбу. Мои золотые, даже не верится, что так быстро стану бабушкой. Вот такие у нас новости».

Малыша назвали Густавс. Илзе летала от счастья. Внучек крепенький, ест за двоих, ревет, как вепрь (мужчина!), два зуба уже. Рассказывала про сватов – родителей Айварса. Обязанности бабушки целиком поглотили Илзе. Мы не удивлялись, что она не успевает писать.

И через полгода – длинный

междугородный звонок. Точно Рига! Сейчас узнаем новости. Наверно, Паула ждет второго!

– Риммочка, здравствуй, – дрожащим голосом произнесла Илзе. – Не хотела говорить, но, но... (Она заплакала в трубку). Паула ушла от нас насовсем.

– Что ты такое говоришь, Илзе?! Она замужем, ей просто некогда. Наладится.

– Риммочка, ты не поняла. Паула нашла свою биологическую маму. Она сказала, чтобы ми с Костей ее забыли. «Ви для меня чужие люди. Дальше ми не будем общаться», – сказала. Костя, как тень. У меня два инфаркта. Потому не звонили.

Она враз превратила их в стариков. Красивую, смешливую Илзе, стильного, обаятельного Костю. Толкнула их в бездну нелюбви с растерянными лицами. «Теперь будет так», – говорят все вещи в ее комнате. «Теперь будет так», – тикают часы. «Теперь будет так», – шумит Балтийское море.

Но на старой фотографии все, как раньше. Паула с двумя хвостами, а по обе стороны Илзе и Костя. Три счастливых лица.

Сухуми

ВАСИЛИЙ КАДЕНЕЦ: «ДУМАЮ, МНОГОЕ СДЕЛАЛ В СВОЕЙ ЖИЗНИ»

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Сегодня в гостях у «Русского клуба» Верховный атаман «Союза казаков Грузии», бывший высокопоставленный партийный, комсомольский работник и один из руководителей таможенной системы в Грузии Василий Каденец. Доктор экономических наук, кавалер орденов Трудового Красного знамени, Дружбы народов, Горгасали III-й степени. Награжден медалями. Действительный член Международной академии информатизации и академии «Фазиси».

Самое горькое для него – воспоминание о том, что «людям, строившим коммунизм и посвятившим свои лучшие годы этой нелегкой работе, тяжело было смотреть, как в одночасье рухнуло все вокруг, идеи оказались никому не нужными, и вокруг все стало разваливаться».

Разговор естественно, начался, с рассказа о детстве:

– Я родился 3-го января 1948 года в селе Мерхеули Гуль-

рипшского района Абхазии. Оно известно тем, что там родился Лаврентий Павлович Берия, с которым, кстати, мы являемся еще и дальними родственниками. Мое появление на свет стало праздником в семье, и после рассказов старшего брата Юрия потом написал: «Это Юра – братик мой/ Звал гостей зайти домой/ В домик ветхий вроде пацхи,/ Где родился я зимой./ Веселились всю неделю,/ Пили красное вино»...

– Детство в большой семье было трудным?

– Да, нелегким: отец работал бухгалтером, мать занималась хозяйством, трем сыновьями и работала в колхозе. Мы, как могли, помогали ей, семья была дружная. Дедушка оставил нам домик в селе Маджарка недалеко от Сухуми, и мы переехали туда. Семь классов я окончил в Келасури, затем перевелся в школу в Сухуми. Оценками я не блистал, в комсомол не вступил,

Василий Каденец

и перед самым выпуском мы с одноклассниками прогуляли уроки – отправились на море. Классная руководительница хотела наказать весь класс, но нас спасло то, что я от мамы – ее фамилия Беселия – хорошо знал мегрельский язык. Я по-мегрельски попросил учительницу простить нас, и она простила. Но на выпускной вечер пойти не смог – не было ни соответствующей одежды, ни денег.

Сухуми. Площадь Свободы

– **Учебу вы продолжили в Грузинском институте субтропического хозяйства на заочном отделении агрономического факультета, там же работали. Потом – армия, Минсельхоз Абхазской АССР. Казалось бы, обыкновенный путь специалиста, если...**

– ...Если бы мне не предложили работу в партийных органах, сначала – инструктором Абхазского обкома, затем – секретарем Сухумского райкома. Работа была интересной, приходилось много ездить: я курировал сельское хозяйство и промышленность. Должность не соответствовала моему возрасту, я был молод, а ответственность – большая. И однажды меня пригласили в обком комсомола Абхазии, пришлось возвращаться в Сухуми из села и беседовать с секретарями и завотделом ЦК комсомола Грузии. Начали спрашивать о комсомоле, потом предложили переехать в Тбилиси, сказали, что предлагают выдвинуть меня секретарем ЦК ЛКСМ Грузии. В тот период вторыми секретарями ЦК комсомола во всех советских республиках были

русские, как оказалось, за исключением Грузии. Этот вопрос был затронут на высшем уровне, была предложена кандидатура из Курска, но Эдуард Шеварднадзе отказался, заявив, что в Грузии есть «свои» русские. Так я попал в команду Жиули Шартава. Мне поручили работать с сельской молодежью. Эта была очень интересная, многоплановая работа. Нам, комсомольцам того времени, очень повезло: во главе нашей организации стоял Шартава – патриот своего дела. В своих выступлениях он призывал молодежь равняться на старшее поколение, приумножать свои знания, опыт.

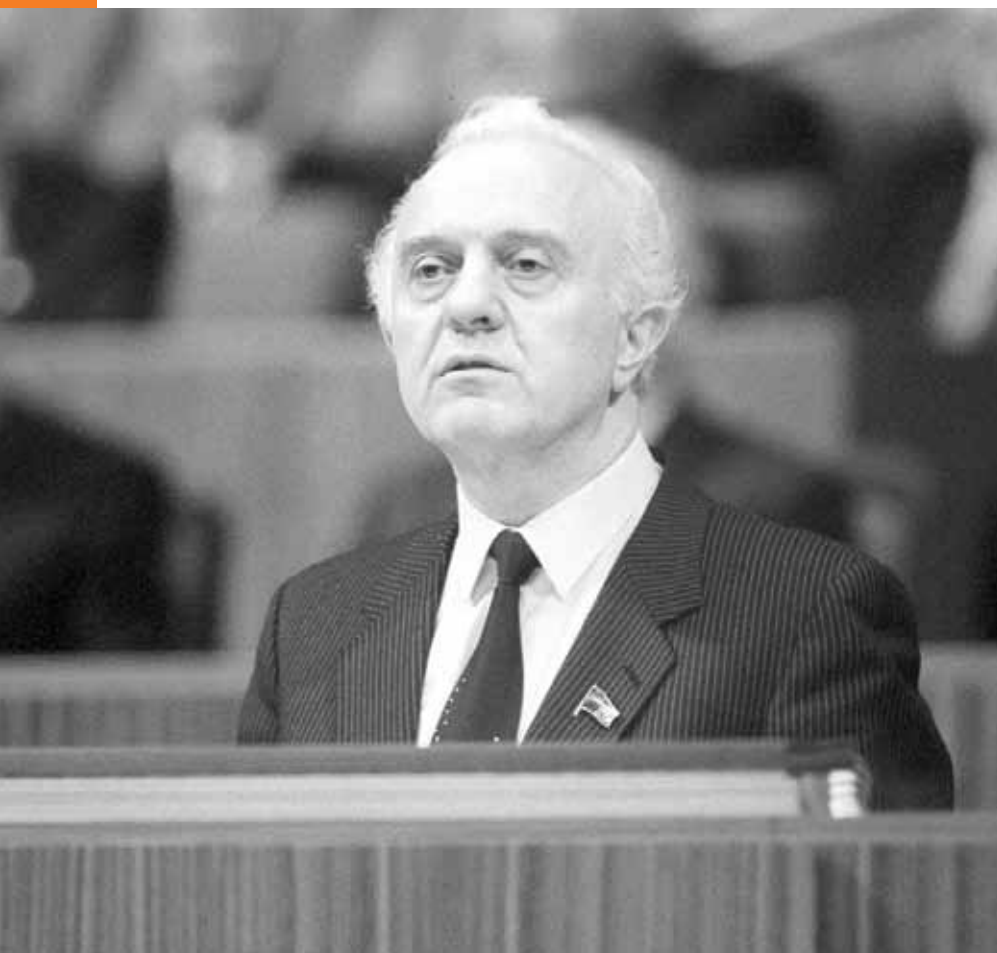
Несмотря на то, что у меня уже был опыт партийной работы, комсомол под руководством Жиули Шартава дал мне очень многое: я хорошо изучил все регионы Грузии. Кроме того, мы строили образцово-показательный комсомольский городок имени Бориса Дзnelадзе. Это было детище Шартава, а мы, работая в его команде, стремились отдать все силы и опыт этой грандиозной стройке – две гостиницы, 15 коттеджей, водохранилище, выставочные залы

для молодых художников и скульпторов, летний кинотеатр, лесхоз и многое другое.

– **Наверно, у вас есть что вспомнить с улыбкой...**

– Мне было поручено организовать посадку деревьев – ожидали высоких гостей из Москвы, которых сопровождал Шеварднадзе, каждый из них должен был посадить свое дерево на небольшой аллее. К первой ели подошел Шеварднадзе, а я недосмотрел, и она оказалась хилая, веток немного, и те – только с одной стороны. Эдуард Амвросиевич посадил ее и сказал мне со значением: «Ты ведь агроном...». Затем гости пошли к трибуне, откуда выступали на митинге. На обратном пути Шеварднадзе внимательно посмотрел на посаженное им дерево и, увидев, что его заменили, улыбнулся.

Хочу вспомнить еще один случай. Мы ехали в Махарадзе на слет чаеводов. На дороге, «голосуя», стоял мальчик. Шартава попросил водителя остановиться и пригласить мальчика в машину, стал расспрашивать: «Как учишься? – Ничего, сред-

Эдуард Шеварднадзе

не. – В каком классе? – В восьмом. – Ты комсомолец? – Нет. – А почему не вступил в комсомол? – А что мне там делать? Там все бездельники!». Для нас это было шоковое заявление, и началась тотальная проверка работы комсомола по всей республике.

А однажды я вручал переходящее Красное знамя комсомольской организации города Цхакая (ныне Сенаки), выступления были на русском языке. Вечером за традиционным столом тамадой был отец Жиули Шартава, батони Калистрате. Когда он поднял тост за меня, я в ответ сказал слово на мегрельском языке. Окружающие были восхищены, и кто-то даже сказал: «Если знаешь мегрельский, чего мучал нас говорить на ломаном русском...».

Запомнилось и то, как по инициативе Шартава на административной границе Абхазии и Самегрело был заложен парк Дружбы. Первое дерево посадил я. Здесь проводились праздники, грандиозные ме-

роприятия, которые навсегда останутся в памяти днями единения, дружбы и братства всех народов, проживающих в Грузии.

В период моей работы в комсомоле я был представлен к ордену «Знак почета». Но когда Шеварднадзе просматривал список претендентов, то зачеркнул «Знак почета» напротив моей фамилии и написал «Дружба народов» – это ему, мол, больше подходит, он это заслужил. Я безмерно благодарен Эдуарду Амвросиевичу и за награду, и за мой карьерный рост. В 1980 году я был избран первым секретарем Сухумского районного комитета Компартии Грузии, где проработал до 1991 г. Я был самым молодым секретарем партии, мне был 31 год, конечно, многие были недовольны: «Прислали к нам мальчишку...». Эта работа стала для меня в то время и школой выживания, и школой самообразования, я учился всему, что было наработано до меня.

– А потом – развал Советского Союза...

– Компартия в одночасье перестала существовать, нас назвали партократами. У власти оказались новые люди, новая структура власти, система управления. В Грузии был сформирован Верховный совет, в котором я отказался принимать участие. Затем – трагические события в Абхазии... Хочу вспомнить один факт. Когда руководителем Абхазии был назначен Жиули Шартава, я работал начальником Сухумской таможни, он жил у меня дома, я был ему самым близким человеком там. И я свидетель того, как Жиули Калистратович максимально старался мирно урегулировать конфликт, встречался с обеими сторонами, с представителями международных организаций. Не получилось...

– Расскажите про вашу деятельность в казачестве.

– Будучи еще в Сухуми, мы создали казачью организацию. В ней я был заместителем атамана Владимира Рыбакина. Российские казаки-наемники принимали участие в военных действиях на стороне абхазов. И по поручению Шеварднадзе я дважды ездил к кубанским и ростовским казакам с просьбой не делать этого. Я даже привез им верительную грамоту от авторитетного атамана Всекубанского казачьего войска Владимира Громова. Не помогло. Наемники все-таки опорочили имя казаков в сухумских событиях.

А в 1995 году мы зарегистрировали общественную организацию «Союз казаков Грузии», которую я возглавляю по сей день в ранге Верховного атамана. В казачестве имею звание генерал-лейтенанта. И сейчас принимаю участие в конгрессах, выступаю с осуждением участия казаков в абхазском конфликте. Наша организация входит в «Союз казачьих войск России и зарубежья». Правда, как таковых войск нет – это просто традиционное название.

– Как вы сегодня оцениваете прожитое?

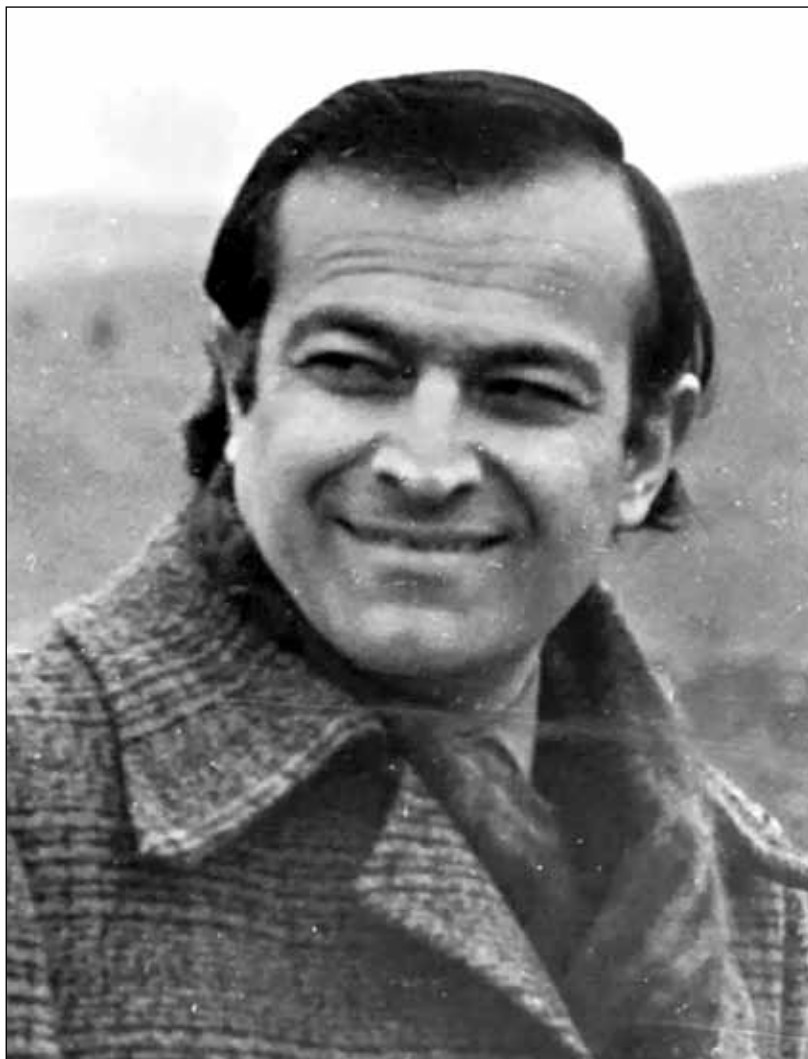
– Десять лет я был депутатом Верховного Совета Абхазии,

думаю, много сделал в своей жизни. После 1999 года перестал быть госслужащим, решил заняться бизнесом, но бизнесмена из меня не получилось. Думаю, подвела порядочность, оказалось, что она при этих демократических преобразованиях никому не нужна. И сейчас есть и желание, и энергия, и возможность сделать что-то полезное для государства. Не хочется уйти в мир иной только со старыми заслугами. Я нахожусь по дороге к финишу (мне 72 года) и говорю, что это – единственный финиш, к которому спешить не следует.

В 2005 году я в составе представителей национальных меньшинств был на встрече с президентом США Джорджем Бушем-младшим. И открыл встречу, поблагодарив Соединенные Штаты Америки за помощь Грузии. Помню, Буш сказал, что мы должны дружить с Россией, «это – ваш сосед...».

Один из последних снимков Ж. Шартава. Сухуми

Жиули Шартава

В прошлом году я в составе небольшой делегации отправился в Москву на встречу, где были представлены четыре национальности (русские, абхазы, грузины, осетины), и мы решили, что нужно возобновить народную дипломатию по примирению сторон. По приезде я проинформировал определенные структуры, но заметил, что особо это никого не заинтересовало. Думаю, должна быть создана отдельная структура по народной дипломатии. Нужно ездить, встречаться, приглашать. Есть у нас Верховный Совет Абхазии, есть Правительство Абхазии – они в первую очередь должны заниматься этими вопросами. Но, учитывая прошлое, абхазская сторона не желает с ними иметь ничего общего, поэтому «и воз поныне там...».

– В начале беседы вы прочитали строчки вашего стиховорения...

– В детстве я увлекался стихами. Моими любимыми поэтами были Пушкин, Лермонтов, Г. Табидзе, Н. Бараташвили. А уже в возрасте я и сам стал писать стихи. На многие мои стихи, посвященные Абхазии и Сухуми, написаны песни. Я их выложил на мою страницу в фейсбуке. Люди слушают и это меня очень радует.

ГРИБОЕДОВЦЫ В КИНО

К 175-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ТЕАТРА

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В Грибоедовском служили (служат) актеры, интересно проявившие (проявляющие) себя не только на театральных подмостках, но и на экране. К счастью, мы имеем возможность оценить их киноработы.

Ведущая актриса театра 40-50-х годов, заслуженная артистка Грузии Белла Георгиевна Белецкая сыграла роль Веры в фильмах Владимира Барского по произведениям Михаила Лермонтова: «Княжна Мери», «Бэла» и «Максим Максимыч». Для съемок в этих фильмах Белла Белецкая, уже популярная на Украине киноактриса, была приглашена в Грузию в 1926 году. Кроме названной трилогии, она снялась в картинах «Женщина с ярмарки» и «Севиль». «Раба любви, женщина-вамп. Все эти эпитеты в равной степени можно отнести к Белле Белецкой, народной артистке Грузии. Нередко амплуа определяет всю дальнейшую судьбу актера. Белла Белецкая в данном случае не исключение. Восхищение публики, блестяще сыгранные

роли – на фоне неустроенной личной жизни. От страстной любви сгорали на сцене и экране ее героини. Она же оставалась в миру одинокой, доверившейся судьбе, но гордой, прекрасной, полной огня...», – пишет газета «Свободная Грузия» (от 8 марта 2003 года).

Настоящий титан в актерской профессии, стоявший у истоков российского кино – Народный артист Грузии **Анатолий Дмитриевич Смиранин**. Человек-легенда, одессит, сын капитана, юнгой обошедший на судне отца многие портовые города Средиземноморья.

Анатолий Смиранин пришел в русское кино еще до революции и играл вместе со звездами немого кино Иваном Мозжухиным, Натальей Лисенко и Верой Холодной. Он стал одним из первых актеров зарождающейся советской кинематографии и снимался до конца своей жизни – вплоть до 1971 года.

Однажды судьба привела Анастасию Смиранина на кинофабрику первых русских

кинопредпринимателей и продюсеров (если пользоваться современной лексикой): Александра Ходжонкова и Иосифа Ермольева – у последнего актер снялся в 1919 году в фильме с несколькими пафосным названием «Жизнь – Родине, честь – никому». Это восьмичасовая агитационная драма в двух сериях. Как сообщают источники,

Белла Белецкая

Анатолий Смирнин

копия фильма сохранилась во Французской синематеке и, возможно, частично в Госфильмофонде.

Сценарий написал М. Кажиев, режиссеры – Александр Александрович Волков и Ф.Ф. Морской. Всего в картине было задействовано более 10.000 человек! Съёмки проходили в саду Коммерческого клуба и на окраинах города Ростов-на-Дону.

Любопытный факт: для подготовки съёмок в Ростов из Ялты прибыл поручик Белокуров из штаба белого генерала Андрея Григорьевича Шкуро. Планировалось участие самого генерала Шкуро, причем съёмки намечалось проводить в боевой обстановке. Газета «Приазовский край» сообщила, что ожидается участие «новой артистки, не игравшей еще в кино, окончившей в Берлине балетную студию – Елены Велюр». «Донская речь» от 4 декабря 1919 года писала: «В картине выведена изумительная работа танков, артиллерии и кавалерии на фронте. Картина эта еще несколько дней будет демонстрироваться здесь, а затем будет показываться в некоторых городах Кавказа и Закавказья».

Среди других картин, в которых снялся Анатолий Смирнин: «Конкурс красоты» (реж. А. Волков), «Я – черноморец» (реж. В. Браун, А. Мачерет), «Малахов курган» (реж. А. Зархи, И.Хейфец), «Давид Гурмишвили» (реж. Н. Санишвили, И. Туманов), «Робинзон Крузо» (реж. А. Андриевский), «Лично известен» (реж. С. Кеворков),

Кадр из фильма «Человек-амфибия»

«Игра без ничьей» (реж. Ю. Кавтарадзе) и др.

В конце 1920-х режиссер Всеволод Мейерхольд, заметив талантливейшего артиста, собирался пригласить его на роль Кирсанова-старшего в задуманном им фильме «Отцы и дети» (в роли Базарова должен был выступить Владимир Маяковский). Увы, замысел не был реализован.

Эта информация сегодня интересна разве что специалистам кино, а широкая зрительская аудитория полюбила актера за блистательную роль отца чудесной Гуттиэре – Бальтазара в популярнейшем фильме «Человек-амфибия» В. Чеботарева и Г. Казанского.

Полюбился зрителям и герой заслуженного артиста России **Павла Борисовича Луспекаева** из культовой картины Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни». Для нескольких поколений его Верещагин стал образцом настоящего мужчины – отважного, сильного, благородного. Павел Луспекаев обрел тогда статус настоящей кинозвезды – увы, ранняя смерть отняла у кинематографа мощного, удивительно органичного актера!

Другие фильм с его участием: «Тайна двух океанов» (реж. К. Пипинашвили), «Республика Шкид» (реж. Г. Полока), «Про-

исшествие, которого никто не заметил» (реж. А. Володин), «Долгая счастливая жизнь» (реж. Г. Шпаликов), «Зеленые цепочки» (реж. Г. Аронов) и т.д.

Еще один прекрасный пример грибоедовца, реализовавшегося в кино, – Народный артист Грузии **Арчил Михайлович Гомиашвили**. Его Остапа Бендера в фильме Леонида Гайдая «Двенадцать стульев» по роману И. Ильфа и Петрова многие считают лучшим, непревзойденным! «Как же не хватает сейчас в российском кино такого актера, как Арчил Гомиашвили! Он был не только талантливым ак-

Фотопробы к фильму «Человек-амфибия»

Павел Луспекаев

тером, для которого в кино и на сцене не существовало невозможного, он был просто талантливым человеком, обаятельнейшим, фантастически красивым мужчиной. Он буквально излучал позитивную энергию, которая заряжает и будет заряжать нас, зрителей, наполнять нас положительными эмоциями. Такие актеры бессмертны!» – вот одно из многочисленных зрительских признаний в любви к Арчилу Гомиашвили. Он сыграл в 27 фильмах, среди них «Мимино» (реж. Г. Данелия), «Золотое руно» (реж. М. Ага-Мирзаев, Л. Файзиев), «Медный ангел» (реж. В. Дорман), «Проделки Скапена» (реж. Г. Калатоцишвили, М. Калатоцишвили), «Сталинград» (реж. Юрий Озеров) и др. В последние годы его часто приглашали на роль Сталина.

Свыше десяти картин на счету Народного артиста Грузии **Мавра Яковлевича Пясецкого**

Арчил Гомиашвили

Кадр из фильма «Белое солнце пустыни»

– «Лурджа Магданы» (реж. Т. Абуладзе, Р. Чхеидзе), «Тысяча первая гастроль» (реж. О. Миркасымов), «Чари рама» (реж. Н. Санишвили), «Простите, вас ожидает смерть» (реж. К. Мгеладзе), «Ну и молодежь!» (реж. Р. Чхеидзе) и др.

Титул «графини советского кино» был присвоен Народной артистке Грузии и России **Ариадне Всеволодовне Шенгелая**. Она уже была знаменитой актрисой, когда приехала в Тбилиси, выйдя замуж за грузинского кинорежиссера Эльдара Шенгелая.

Да сих пор Ариадна Шенгелая – общепризнанный эталон

изысканности и аристократизма в кино! Зрители любят и с удовольствием смотрят фильмы с ее участием – «Екатерина Воронина» (реж. И. Анненский), «Евгений Онегин» (реж. Р. Тихомиров), «Осторожно, бабушка!» (реж. Н. Кошеверова), «Гранатовый браслет» (реж. А. Роом), «Евгения Гранде» (реж. С. Алексеев), «Белый караван», «Чудаки» (оба – реж. Э. Шенгелая), «Увольнение на берег» (реж. Ф. Миронер), «Выстрел» (реж. Н. Трахтенберг), «Ференц Лист» (реж. М. Келети), «Не горюй» (реж. Г. Данелия) и многие другие.

Заметный след в кино оста-

Кадр из фильма «Двенадцать стульев»

Ариадна Шенгелая

вил заслуженный артист Грузии **Джемал Шотаевич Сихарулидзе**: в общей сложности сыграл двадцать пять ролей! Одна из его последних блестящих работ в кино – горец Абдул-Мурат в картине Сергея Бодрова «Кавказский пленник». В этой роли Джемал был, как всегда, достоверен. К слову сказать, Евгений Евтушенко отметил высокий класс его игры, сказав, что актеру удалось переиграть даже такую российскую «звезду», как Олег Меньшиков. Незадолго до ухода Джемал Сихарулидзе снялся у Ники Квицинадзе в сериале «Сталин. Life» в проекте телекомпании НТВ: сыграл интересную роль ротмистра Минина... В процессе съемок, избивая по сценарию будуще-

го вождя, случайно ударился рукой о ружье. Началось кровотечение... И многие решили, что это так удачно сделан грим... «По-моему, роль у меня получилась. Во всяком случае, все отметили, что я создал образ настоящего Минина. Я снимался с двух дублей, практически без репетиций, и московские телевизионщики отметили мой профессионализм... А свою первую роль сыграл в 1964 году у Эльдара Рязанова в фильме «Дайте жалобную книгу». Говорят, он бывает нетерпим на сценической площадке, может и матом послать. Тогда в кино вообще по-другому играли. Царила серая обыденность, приблизительно... Для меня эталоном мастерства в кино остается Николай Черкасов. Вот это был актер и XX, и XXI века. Что касается режиссерского мата... Это иногда очень даже нужно. На съемках административный кулак Рязанова чувствовался, но мата по отношению к актерам не помню. Кстати, Рязанов собирался снять фильм «Сирано де Бержерак». Меня пробова-ли на роль Кристиана, Евгения Евтушенко – на роль Сирано. Увы, фильм так и не был снят... Тогда Евтушенко подарил мне свое стихотворение «Благодарность» с дарственной надписью».

В фильме Сергея Бодрова-старшего «Кавказский пленник» Сихарулидзе сыграл одну из центральных ролей. «На

первой съемке Бодров остано-вил меня и сказал, как обычно, заикаясь: «Д-д-джемал! Это н-н-немного по-театральному. А в кино нужно по-другому!» Я ответил: «Пожалуйста, нет проблем!» – вспоминал актер. – И сразу ему выдал то, что требо-валось... В кино играют в основ-ном глаза. Нельзя размахивать руками, крутить головой. Актер должен сдерживать свою теа-тральность...».

Заслуженной артистке Гру-зии **Людмиле Ивановне Арте-мовой-Мгебришвили** довелось поработать с прекрасными ре-жиссерами кино. Один из них – сам маэстро Эльдар Шенгелая, совместно с Фуадом Ибрагимбековым снявший в 2015 году фильм «Кавказское трио» по сценарию Рустама Ибрагимбекова. Одну из ключевых ролей в нем сыграла Людмила Артемо-ва. Как говорится в аннотации, фильм основан на настоящей, невыдуманной истории. «Трио – грузин, армянин и азербайджанец, трое друзей, которые крепко дружили в юности. После распада СССР они оказались гражданами новых государств. Но память об общих счастли-вых днях не дает им забыть друг друга. Трагичные последствия развала огромной страны на-кладываются не только на троих друзей, но и задевают молодого человека, когда он узнает, что у него два отца: один – родной, другой – отчим. И все бы ничего, только родной отец – армянин, а отчим – азербайджанец. А их страны, как известно, находятся в состоянии вражды, не остав-ляющей места для разума и по-нимания. В этой истории, полной

Кадр из фильма «Дайте жалобную книгу». Дж. Сихарулидзе (справа)

Джемал Сихарулидзе в «Кавказском пленнике»

Людмила Артемова-Мгебришвили

в фильмах «Ночные колокола» (реж. Г. Лорткипанидзе), «Вера Давыдова» (реж. В. Плоткин), «Водохранилище», «Как синие кони» (оба – режиссер К. Милитаури), «1005 дней» (реж. Л. Ахобадзе), «Сталин. Live» (реж. Н. Квижинадзе). А фильм Зазы Урушадзе «Здесь светает», в котором актер исполнил роль врача-духобора, получил специальный приз жюри ОФК стран СНГ и Балтии «Киношок-98» (Анапа); приз жюри игрового кино за лучший сценарий МКФ «Евразия-98» (Алматы); выдвинут от Грузии на «Оскар» в категории «лучший иноязычный фильм 1999 года».

Всерьез заинтересовал кинематограф фактурный, талантливый актер **Аполлон Александрович Кублашвили**. На его счету уже немало киноработ. А недавно А. Кублашвили снялся в новом российском сериале «Заступники» по мотивам книги адвоката Дины Каминской «Записки адвоката», основанной на реальных судебных процессах знаменитых советских адвокатов. В картине описываются события 1966 года, конца оттепели.

Успешно снимаются сегодня и молодые грибоедовцы. Одна из них – **Мари Кития**, покорившая киноманов в картине «Невесты». «Загадка, как этот скромный, без звезд, фильм молодого грузинского режиссера Тинатин Каджришвили попал в наш снобистский прокат, но чудо, что это произошло. По

мне, «Брак за решеткой» (в оригинале он называется «Невесты») один из лучших фильмов прошлого года, пролетевший мимо большинства рейтингов только из-за своей «негромкости», хотя исполнительница главной роли Мария Кития красивее и талантливее многих статусных «звезд». Бойфренд ее героини Нуца попадает за решетку не то чтобы «ни за что», но во времена провозглашенной Саакашвили «нулевой терпимости к преступности» сроки, которые раздавали в грузинских судах, удивили бы даже сталинских соколов. Нуца и ее «невенчанный» муж Гога, отец двоих уже детей, решают официально оформить брак за решеткой; и таких, как Нуца, десятков, страдающих женщин от 18 до 75 лет. До поры думаешь, что смотришь

Валерий Харютченко

трагедий, уже случившихся и грядущих, мужчинам приходится сохранить человеческое достоинство и заплатить высокую цену». Партнерами Людмилы Артемовой были замечательные актеры – Юрий Стоянов, Гоги Пипинашвили, Баадур Цуладзе, Фатима Ибрагимбекова.

Еще один актерский опыт Л. Артемовой – в картине молодого режиссера Зазы Русадзе «Складки на моем одеяле». Фильм участвовал в конкурсной программе Берлинского международного кинофестиваля.

Успешно работает в кино ведущий актер Грибоедовского театра **Валерий Дмитриевич Харютченко**, снявшийся

Кадр из фильма «Здесь светает»

сильную социальную драму, в финале понимаешь, что черт с ним, проклятым, несправедливым социумом, фильм-то о любви, да такой пронзительный, каких сегодня и не найти. Удивительно искренний, эмоционально точный и честный», – пишет российский «Сноб». Достойная работа ведущей актрисы театра имени А.С. Грибоедова Мари Кития была отмечена призом за лучшую женскую роль сразу на нескольких престижных кинофестивалях.

Радует стремительный старт совсем еще молодого актера **Михаила Гавашели**. Сначала он снялся в короткометражной ленте Тимура Бекмамбетова «Алиса», а потом исполнил

Михаил Гавашели

главную роль в фильме Ренаты Литвиновой «Северный ветер». Это авторское продолжение дебютной театральной постановки Литвиновой. Спектакль-фантазмагория «Северный ветер» о любви и смерти, поставленный Литвиновой в 2017 году на сцене МХТ имени Чехова по пьесе собственного сочинения, был ее режиссерским дебютом. С нетерпением ждем картину с Мисей Гавашели в главной роли!

В двухсерийном фильме «Русские грузины» российского журналиста Леонида Парфенова дебютировал **Мераб Кусикашвили**, исполнив роль Серго Орджоникидзе.

Просим прощения у тех грибоедовцев, кого, возможно, не упомянули в этом небольшом материале. Как говорится, нельзя объять необъятное. Работали

Кадр из фильма «Русские грузины»

и работают в кино Арчил Бараташвили, Олег Мчедlishvili, Дмитрий Спорышев, Инна Воробьева, Анна Николава, Слава Натенадзе, Лаша Гургенидзе, Михаил Арджеванидзе, Алла Мамонтова, Нина Кикачеишвили... А актриса Карина Кения ярко заявила о себе в популярнейшем телесериале «Подруги моей жены». Хочется пожелать всем артистам-грибоедовцам новых киноработ, которые принесут радость как им самим, так и зрителям!

Снимающиеся театральные актеры – норма! А вот театральные режиссеры, активно работающие в кинематографе, – это, скорее, исключение из правила. Речь идет о художественном руководителе театра Грибоедова **Автандиле Эдуардовиче Варсимашвили**. На его счету такие работы, как: «Кроткая» (Италия-Грузия, по рассказу Ф.М. Достоевского), «Дом в старом квартале», «Что с того, что мокрая, мокрая сирень», «Идиотократия», «Все будет хорошо» (Грузия-Индия), «Давай брат, давай!», «Испахан-Батуми» (Грузия-Иран), «Дом, который сбежал через окно».

Кстати, в большинстве картин Варсимашвили снимался уже ставший легендой Нико Гомелаури – достоверный, колоритный актер и на сцене, и на экране!

Одна из наиболее интересных киноработ Авто Варсимашвили – «Дом, который сбежал через окно». Эта эксцентри-

ческая комедия с элементами социальной драмы – последняя часть его трилогии (сам режиссер называет их абсурдистскими черными комедиями), две из которых – «Идиотократия» и «Все будет хорошо» с большим успехом прошли на экранах страны. В фильме «Дом, который сбежал через окно» снялись мировые звезды – выдающаяся грузинская балерина Нино Ананишвили, впервые выступившая в качестве драматической актрисы, а также знаменитая певица Нино Катамадзе. Одну из ролей исполнил президент Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб», директор Грибоедовского театра **Николай Николаевич Свентицкий**. На экране постоянно присутствует и сам режиссер фильма – за фортепиано. Авто Варсимашвили удалось найти очень интересную форму, соединив феллиниевскую условность кинематографа с реалиями сегодняшнего дня, праздник творчества с невеселыми размышлениями о трагичности и алогичности мироустройства, несовершенстве людей, несоответствии мечты и реальности.

Отметим, что участие в этой картине, – не единственный киноопыт директора театра Николая Свентицкого. Он снялся также в многосерийной телевизионной картине «Сталин. Live» (режиссер – Ника Квицинадзе).

Нино Кикачеишвили впервые вышла на сцену театра им. Грибоедова несколько лет назад – в образе Феи в спектакле «Золушка», который стал для нее, можно сказать, символическим: все дальнейшие ее работы словно осенены мановением волшебной палочки, настолько они разнообразны, глубоки и интересны.

Актрисе повезло, в Грибоедовском она встретила «своего» режиссера – Автандила Варсимашвили. А он, в свою очередь, разглядел в ней и страстную, изысканную Лилию Брик в драме «Маяковский», и трогательную Марию Антоновну в фантасмагории «Ревизор», и скорбно-сдержанную узницу лагеря жен изменников Родины в документальной драме «А.Л.Ж.И.Р.», и одну из многоликих героинь мистерии «Шинель».

Нино, оставаясь замечательной русскоязычной артисткой, активно работает и в Грузинском Театре юного зрителя – число сыгранных там ролей в спектаклях Димитрия Хвтисиашвили, Гурама Брегадзе, Сергея Шведкова, Анатолия Лобова и других режиссеров, уже приближается к 20-ти.

А еще она замечательно поет. Достаточно вспомнить незабываемый дуэт Нино с Дмитрием Певцовым в его концерте «Назад в Тбилиси. Через 30 лет» на Большой сцене Грибоедовского или Хануму, которую она играет в мюзикле режиссера Гоги Маисурадзе.

Поздравляем Нино Кикачеишвили с круглой датой, от всей души желаем здоровья, процветания и много-много успешных ролей – на радость всем нам, ее верным друзьям и почитателям!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КРАСОТЫ

■ Анастасия ЭРИСТАВИ

Март называют женским месяцем. И дело тут вовсе не в перепадах погоды (какое они могут иметь отношение к милым женским характерам!). Этот месяц вошел в историю праздником 8 марта благодаря двум революционным дамам Кларе и Розе, которые убедили мир подарить всего один день в году женщинам. Не будем углубляться в версии происхождения этого праздника. Но именно март должен быть отмечен рассказами и воспоминаниями о выдающихся и незаурядных женщинах. Об одной из них – наш сегодняшний рассказ.

ЕЕ НАЗЫВАЛИ ЯСТРЕБКОМ

Она родилась в Кракове, в Казимеже, и была старшей из восьми дочерей в семье Горация Рубинштейна. Он имел небольшой магазин, девочек воспитывал в большой строгости в отличие от матери. Мать Августа была очень приятной внешне, мягкой по натуре и убеждала своих дочек, что женщины обладают двумя сокровищами, которые дают власть и внимание мужчин: красота и любовь. Лишившись надежды на рождение сына, отец решил сделать наследника из старшей дочери. И дело было не в возрасте, а в характере: она была умной, очень упрямой, независимой, да и в трудолюбии ей отказать было нельзя.

Но за властность и своеволие сестры дали ей прозвище Ястребок. Доучившись до выпускного класса, она бросила школу. И отец, разозлившись на непослушание своего «наследника», решил выдать ее замуж. Старый и лысый жених ей не понравился. И она покинула дом, сбежала в Австралию к дяде, которого не знала и не видела никогда. Какое это могло иметь значение для юной девушки, которой хотелось повидать другой мир и почему бы и нет – попробовать покорить его.

Своим «оружием» для такой победы она избрала баночки с кремом для лица, который собственноручно изготовила ее мать и дала ей в день бегства из дома. И этот косметический крем мож-

Хелена Рубинштейн

но вполне обоснованно назвать путеводной звездой Хелены Рубинштейн. Именно с этих баночек начался ее тернистый и тяжелый путь вверх, к созданию своей косметической империи. Однако до этой имперской славы идти ей было еще очень долго.

Итак, Ястребок прилетел в Австралию.

Она не знает языка, не знает привычек, обычаев и традиций чужой среды, в которую попала. Но упорства ей не занимать...

Когда знакомишься с людьми подобной судьбы, понимаешь, что именно эти черты характера – упорство, способность не сдаваться перед трудностями, умение не отчаиваться и не бояться испытаний – ведут человека вперед.

Поначалу ей пришлось работать на «черных» работах. Досталось ей самое тяжелое – и физически, и морально: разгружала мешки с товаром в магазине, работала в поле. Когда освоила язык, устроилась в кафе официанткой. Мыла полы в домах богатых людей. Но вот что интересно, те, кто внимательно изучал судьбу Хелены Рубинштейн, подчеркивают, она пошла убирать дома богачей почти за бесплатно, если считала, что владелец богатого дома может ей пригодиться в будущем. Значит, цель у нее к тому времени уже оформилась, а мечта жить в таких же роскошных и кра-

Продавцы продукции фирмы HR

сивых домах, как у богачей, превратилась в формулу достижения желаемого.

В Австралии Хелена выделялась своей бледностью на фоне загорелых местных дам, что вызывало их интерес и восхищение. Материнские баночки были распроданы довольно быстро. Рубинштейн поняла, что нащупала золотую жилу. Она познакомилась с тамошними аптекарями. И с их помощью начала работу над увлажняющим солнцезащитным кремом. Полученный крем она назвала «Валазе», впоследствии рассказывала, что это слово ничего не значило, по ее мнению, было просто красивым сочетанием букв. Крем расходился прекрасно. Хелене на тот момент исполнилось 24 года и она твердо знала, чем будет заниматься в будущем.

И вот что делает Хелена, которая не изучала менеджмент, не была знакома с основами маркетинга, не училась в университете, да и с общим образованием у нее не все было благополучно. Но при этом обладала потрясающим чутьем истинно предприимчивого человека. Она занимает у родственников деньги, открывает небольшой магазинчик в Мельбурне. И ставит производство крема на поток. Ее салон довольно скоро обретает извест-

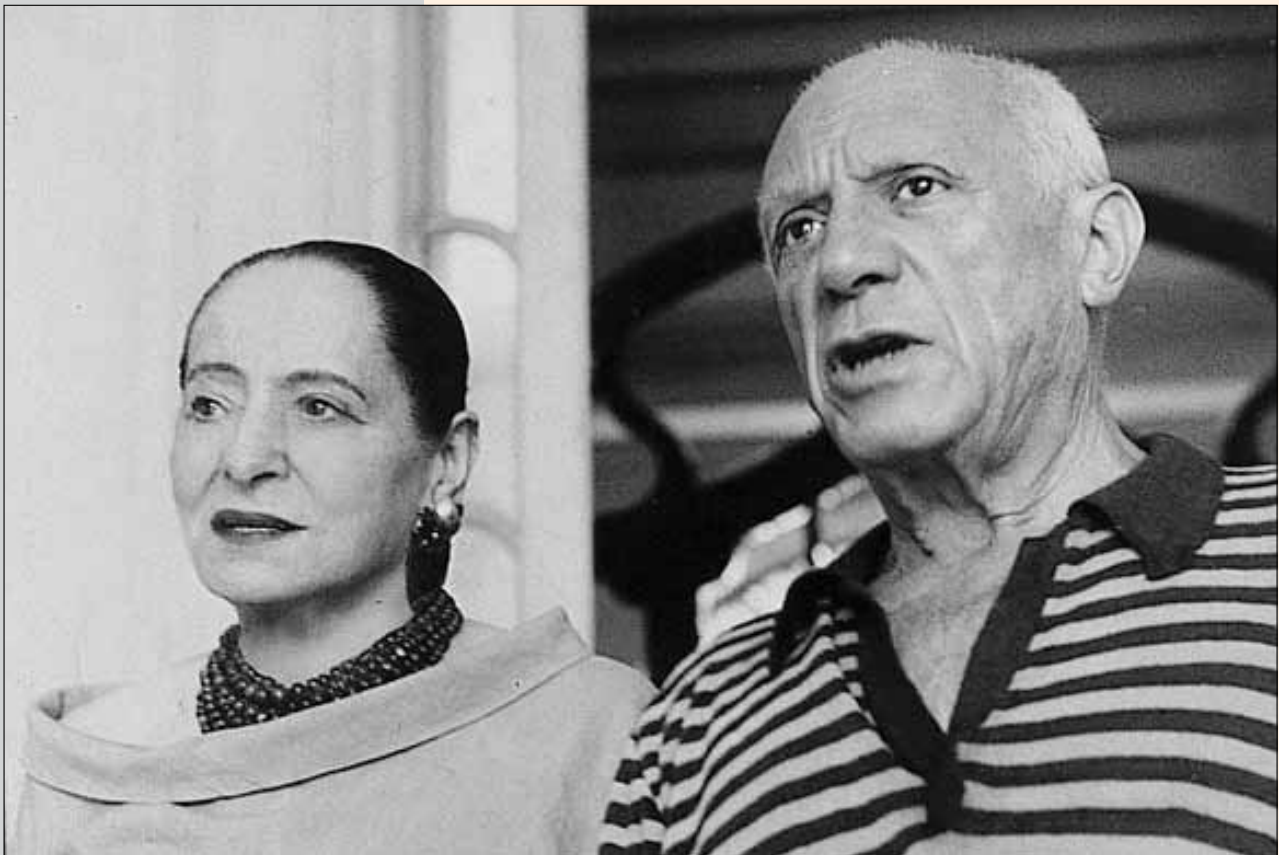

Хелена в химической лаборатории

ность и большую популярность. И тут проявляется еще одна способность мисс Рубинштейн — она чертовски бесстрашная: не побоялась и расширила заурядный магазинчик до невероятных размеров. Как говорят очевидцы, создала настоящий дворец!

ХЕЛЕНА ПОКОРЯЕТ СТАРЫЙ СВЕТ

Как быстро и результативно она училась, как впитывала знания! И фейерверком новых идей, проектов и инноваций

Хелена и Пабло Пикассо

отдавала все полученное. Австралийский магазин приносил Хелене довольно много денег. Уже через несколько лет она открыла в Париже лабораторию, в которой занималась дерматологическими разработками. А в 1912 году представила миру инновационную систему ухода за кожей, основанную на разных ее типах: сухая, жирная и нормальная. Этим достижением мы с вами пользуемся до сих пор. Но она была первой, кто сказал нам, женщинам, что у нас разные типы кожи. А сколько всего она придумала в маркетинге! Представьте себе, при запуске в продажу своего парфюма Heaven Sent с крыши высотки запустили 500 воздушных шаров, к которым были прикреплены маленькие корзинки с ангелочками. А в рекламе всегда были представлены красивые дамы в белых халатах и у зрителей создавалась полная уверенность, что над косметикой работают врачи. И еще. Именно Хелена первой стала привлекать к рекламе знаменитостей — известных актрис, моделей. И любимые актрисы, актеры и модели проникновенными голосами сообщали о чудодей-

ственных свойствах косметики Рубинштейн, что естественно привлекало потребительниц ее продукции.

Хелена решила покорить столицу Великобритании, и это ей блестяще удалось! Она расположилась в Мейфэре (одном из престижнейших районов столицы). Роскошный салон (четырёхэтажное здание!) стал, можно сказать, определенным шоком для жительниц Лондона. Она привезла из Парижа самых лучших дерматологов и то новое явление, которое сейчас мы называем макияжем — цветную пудру, румяна, помаду разных цветов и тушь. К ее салону стали выстраиваться очереди. А она работала по 18 часов в сутки! Между тем к этому времени она уже была замужем и матерью двоих мальчишек. Со своим первым мужем Хелена познакомилась в Сиднее: американский журналист с польскими корнями Эдвард Титус — так же, как и его жена был предприимчивым человеком, хотя гораздо меньшего масштаба. Но он очень хорошо рекламировал продукцию жены, а иногда дарил ей и очень дельные идеи. Как говорят, идею производства

декоративной косметики Хелене подал именно Эдвард. А Хелена великолепно воплотила идею! Первая помада привычной нам формы, пудра, румяна разных оттенков, тушь в футляре — все это было создано под руководством Хелены. Она снова стала первой! Никто никогда до нее не выпускал подобного!

Вернемся вместе с ней в Париж. Лондон Лондоном, пусть англичанки не обижаются, но покорение Парижа означало, что она берет в карьере самую высокую вершину в косметической индустрии. Ее называют мадам Рубинштейн, но ее сотрудницы за спиной называют ее тираном-истребителем. Ее это не заботит.

Парижанки намного искуснее лондонских женщин. Их нужно было привлечь чем-то особенным, и Хелена это хорошо осознавала. Она заказывала специальные, натуральные пигменты, которые добавляла в косметику. В предместье Парижа была открыта фабрика, которая производила эксклюзивные фирменные упаковки и удивительные флаконы. Знаете, кто разрабатывал эти флаконы? Сальвадор Дали... Молодой, но

Магазин Х. Рубинштейн в Италии

уже приобретший имя оригинального художника. Никто до сих пор таких флаконов не делал. Он же создал ей логотип HR и дизайн пудры.

А парижанок покорила новая линия косметики – макияж, который выглядел совершенно естественно. И подтверждением блистательного успеха Хелены стали аристократки и знаменитости, которые постоянно посещали салон Рубинштейн. Сара Бернар, известная своим сложным нравом, часто бывала в салоне Хелены. Да, у самой мадам Рубинштейн тоже был вздорный характер, но она при этом могла общаться с Дега, Пикассо, Модильяни, Шагалом, Браком и Ренуаром. Когда дело касалось ее бизнеса, как говорят, она умела проявлять чудеса дипломатии.

В 1932 году Хелена выпустила первую в мире водостойкую тушь. И снова удививший всех маркетинговый ход. Новый продукт был совершенно необычно, но очень убедительно представлен широкой публике: тушь испытывала на себе команда по синхронному плаванию. Еще через 20 лет Рубинштейн изобретет первую кисточку для туши, которая будет очень похожа на современную.

Однако мы забежали вперед, заметив опередив время ее судьбы.

«ШТУРМ» АМЕРИКИ КОСМЕТИКОЙ

«Не бывает некрасивых женщин, бывают – ленивые», – сказала она однажды. И доказала это своей жизнью. И поступками. Вот уж действительно ленивой она не была. Как только ее не называли – взбалмошная, бесцеремонная, скупая, женщина-смерч, тиран, но только не ленивой. Все ее недостатки (а их было достаточно) перевешивались неисчислимым количеством талантов. Она говорила на пяти языках. Установила фиксированную минимальную партию оптового заказа, и это сделало продажу ее продукции в универмагах максимально выгодной. Все продавцы, работавшие с ее брендом, обучались под ее надзором по весьма насыщенной программе. Также продавцам отдавали 40% розничной цены товара, 5% бонуса предлагали за рекламу продуктов от Хелены Рубинштейн. И еще с каждой продажи консультант имел 10% суммы.

В 1928 году, по свидетельству современников, Хелена провернула гениальную комбинацию! Она продала свой бизнес «Lehman Brothers» за 7 миллионов долларов. Потом, пользуясь биржевым кризисом, смогла скупить значительный

пакет акций и вернула себе компанию за сумму, не достигшую 1 миллиона долларов! Всего лишь через год!

Она проводила многие часы в перелетах, но не только для того, чтобы насладиться чудесами архитектуры. Она летала в разные страны для поиска растений, чьи экстракты в составе кремов должны были служить для омоложения кожи лица. Хелена побывала в Египте и привезла водяную лилию. Из Канады – папоротник, а какие-то особые виды водорослей она нашла в Океании. В Эфиопии ей посоветовали найти воск, который готовили дикие племена. И даже в Тибете она побывала в поисках мускуса от телят коз, живущих на высокогорных плато. И все, что она находила, сразу шло в дело, все тщательно испытывалось и применялось только после получения эффективного результата. Больше всего она дорожила своей репутацией.

В ее личной жизни произошли перемены. Парижский период принес ей новое замужество. Спустя несколько лет после развода с Титусом она выходит замуж за грузинского князя Арчила Гуриэли-Чкония. Теперь Хелена не просто владелица сети салонов и собственного бренда косметики, но еще и княгиня.

Осенью 1939-го, когда Франция вступила в войну с Германией, они с мужем покинули Париж и переехали в Нью-Йорк. Как рассказывают исследователи ее жизни, она пыталась спасти от Холокоста как можно больше родственников: способствовала их переезду в США, устраивала на работу в компанию, попутно обучала всем премудростям профессии.

Именно во время войны Хелена и Арчил открыли «Дом Гуриэли», где мужчины могли купить модные вещи из Европы, постричь и покрасить волосы и пройти разработанные специально для них процедуры. Так она получила огромный мужской потребительский контингент.

В Нью-Йорке Арчил занимался организацией вечеринок в их с Еленой роскошных апартаментах на Парк Авеню. В дом,

С супругом Арчилом Гуриэли-Чкония

который стали называть «Рубинштейн Хилтон», приглашалось избранное общество и списки гостей на следующий день попадали в светские новости.

Если в Европе ей не было равных, то в Америке серьезной конкуренткой стала Элизабет Арден, которая работала в Штатах более пяти лет. Но эта конкуренция только раздрадила амбициозную Хелену. Она придумывала новые косметологические процедуры, давала частные консультации и проводила образовательные встречи с клиентками. Благодаря грамотной стратегии ее продукцией заинтересовались крупные торговые дома. Это стало настоящей победой и над конкуренткой, и в принципе покорением Америки.

Сразу после окончания войны Хелена вернулась в Париж, ей тогда уже было за 70, но она не привыкла пасовать ни перед чем, в том числе и перед возрастом. «Нужно работать больше!» – таким был ее девиз. Специалисты ее лаборатории

изобретали новые препараты и салонные процедуры, а сама мадам возвращала измученных войной парижанок к полной красоте и покоя жизни.

Годы, проведенные с Арчилом Гуриэли-Чкония, называют самыми спокойными в жизни Хелены Рубинштейн. Она достигла всего, о чем мечтала. Открыла многочисленные клиники не только в Европе, но и в США и Латинской Америке. Ее косметика продавалась в 100 странах мира. Прибыль росла с каждым днем. Сыновья готовы были стать помощниками в бизнесе.

Но, как это в жизни бывает, за счастливым периодом следуют несчастья. От сердечного приступа неожиданно умер Арчил. Через два года после смерти мужа она потеряла старшего сына Горация. Он погиб в авткатастрофе. Именно его Елена видела своим преемником.

После похорон любимых людей она возвращалась к тому, что ее всегда спасало – к работе. Но не только... При том, что

Сальвадор Дали. Хелена Рубинштейн в образе Прометей

многие в ее окружении называли Хелену скупой, именно она очень часто оказывала денежную помощь школам и больницам. Именно она (единственная из всех сестер) трогательно и щедро заботилась о родителях. Именно она построила в Израиле уникальный павильон с редкой коллекцией картин, утварью и статуэтками разных эпох.

Хелена Рубинштейн прожила долгую жизнь. Однажды личный секретарь спросил ее, страшится ли она смерти. – «Теперь уже нет. Ни в малейшей степени, – ответила мадам Рубинштейн. – Раньше боялась. Но я слишком долго ждала. Это должно быть, интересный опыт». Через день после этого разговора она скончалась в возрасте 95 лет.

Жан Кокто назвал ее «императрицей красоты», и этот титул она сохраняла на протяжении более чем шести десятилетий. Сальвадор Дали увековечил Хелену в образе женщины-Прометей, прикованной к скале ее собственным изумрудным платьем.

Арлекин и Коломбина на фоне картины Судейкина «Кафе Химериони». Экспонаты Дома-музея Тициана Табидзе

ТИФЛИССКИЕ ПРИЮТЫ ХУДОЖНИКОВ И ПОЭТОВ

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

На берегах Куры, на горячих серных источниках, некогда возник Тбилиси (до 1936 г. Тбилиси назывался Тифлис). Этимология названия города восходит к слову «тбили» – «теплый». Город имеет свою мифологию – легенду о царе-охотнике и фазане, сварившемся в горячей серной воде.

Здесь издавна поклонялись разным богам, уживались разные культуры, сообща восстанавливали разрушенное алчными завоевателями. Тбилиси, как двуликий Янус, всегда был обращен одним лицом к Азии, другим – к Европе. Таким он оставался и в 1910-1920-х гг.

Сложный организм города напоминал человека в модном европейском костюме, из-под которого выглядывал азиатский

кафтан. По словам писателя Эраста Кузнецова: «Запад тут встречался с Востоком... Христианство тут сталкивалось с исламом. Север с Югом. Патриархальная деревня – с наступающим на нее городом, XIX век, уютный век позитивизма, – с XX веком, апокалиптичность которого уже ощущалась».

Илья Эренбург отмечал, «в этом городе, где потребность выражать себя в творчестве почти сравнялась с потребностью есть, спать, утолять жажду, где каждый третий – художник или поэт, или музыкант... – привыкли почитать художественный талант за нечто само собой разумеющееся, обыденное, а искусство – за естественную часть повседневной жизни». А писатель и поэт Григол Робакид-

зе называл Тифлис «странным городом», «фантастическим».

Несмотря на тяжелый политический и экономический кризис в Грузии в первой четверти XX в., накал литературно-художественной жизни в Тифлисе не снижался: в духовной атмосфере столицы пересекались и мирно уживались, прекрасно дополняя друг друга, разнообразные художественные и литературные интересы. В бурной разнородности и живительной экзотической силе города искали вдохновение многие и многие местные и приезжие поэты, писатели, художники. Они нарушили покой городских улиц, а тбилисские духаны превратили в «парижские» кафе, где под звуки национальных инструментов велись горячие споры об ис-

кустве.

В соответствии с духом мятежной эпохи, бунтари от искусства испытывали потребность придать жизни новый смысл. Их, отважных и дерзких, объединяла исполненная достоинства одержимая устремленность вперед, не дававшая пасть духом в смуте времени. Они не помышляли о славе. Она пришла к ним сама. Они работали напряженно и плодотворно, избегая реальности и желая вольной жизни, придумывая новые мифы и символы, утверждая новую эстетику, вопреки оцетинившейся эпохе.

Тифлис 1910-1920 гг. напоминал Ноев ковчег: местные и приезжие, обманутые и все потерявшие, идеалисты и циники, богатые и бедные, талантливые и выдававшие себя за гениев, купцы, военные и гражданские, художники, композиторы, поэты – все смешалось под внешней благопристойностью Востока и

патриархальностью быта. Музу гостей вдохновляла атмосфера одухотворенной дружбы и творческого братства, которую создали хозяева. Вокруг рушился старый мир, а здесь с мудрой беспечностью и восторгом, порожденным свободой от норм и традиций, расцветала своя субкультура.

В Тифлисе грузинский гедонизм процветал в десятках духанов и увеселительных садов с самыми экзотичными названиями: «Гамлет», «Сюр Кура», «Не уезжай, голубчик мой», «Шантеклер», «Монплеизир», «Маленькая вошка», «Эльдорадо», «Фантазия», «Загляни дорогой», «Сам пришел», «Сухой не уезжай», «Сан-Суси», «Джентльмен», «Ноев ковчег», «Бедни Ладно», «Вино, закуски и разный горячи пищ», «Париж», «Арарат», «Дариал», «Кинь грусть»... Вокруг Воронцовской площади расположились духаны «Дарданеллы», «Зайдешь –

отдохнешь у берегов Алазани», «Вершина Эльбруса», а на площади Майдан – «Варяг» с вывесками Нико Пиросмани. Именно в этом духане художники Михаил Ле-Дантю и Кирилл Зданевич впервые увидели картины художника Пиросмани в 1912 г. На Солдатском базаре находились духаны «Добри Васо», «Шантеклер», «Джентльмен» и др. Лексика названий духанов и вывесок вобрала в себя пряный остроумно-ироничный дух старого Тбилиси. В каждом названии – меткий словесно-художественный образ.

Поэт Иосиф Гришашвили писал: «В Тбилиси было немало духанов, вроде чайной «Родина», каваханы «Саят-Нова», закусочной «Гамлет», где устраивались целые поэтические состязания, а у духанщика Абрагунэ кормилась вся тбилисская богема» (И. Гришашвили. «Литературная богема старого Тбилиси». Тбилиси, 1977, стр. 83). Духаны и их владельцы сослужили хорошую службу литературе, искусству и... революции.

Традиция тифлисской богемы восходила к прошлому, и она еще сохранялась в старой части города, где в кофейнях и духанах Майдана пели свои стихи народные певцы-ашуги Скандар-Нова, Гивишвили, Иэтим Гурджи. Но их язык – удивительно живой и красочный сплав многоязыкой пестрой городской речи, по-восточному цветистой – уже перебивался мелодией новой поэзии, которую утверждали поэты-голубороговцы («Голубые роги» – литературная группа грузинских символистов, созданная Паоло Яшвили в 1915 г. Просуществовала до 1930-х гг.) во главе с Тицианом Табидзе: «Розу Гафиза я бережно вставил в вазу Прюдома, Бесики сад украшаю цветами Злыми Бодлера».

Для молодых искателей нового искусства многочисленные духаны Тифлиса (В 1864 г. в Тифлисе функционировало 441 духан, но с появлением европейских ресторанов и столовых в 1887 г. их оставалось не более 151) стали долгожданным прибежищем. Здесь традиционно царил мир праздника, здесь люди общались независимо от возраста, происхождения и

Тифлис. Майдан

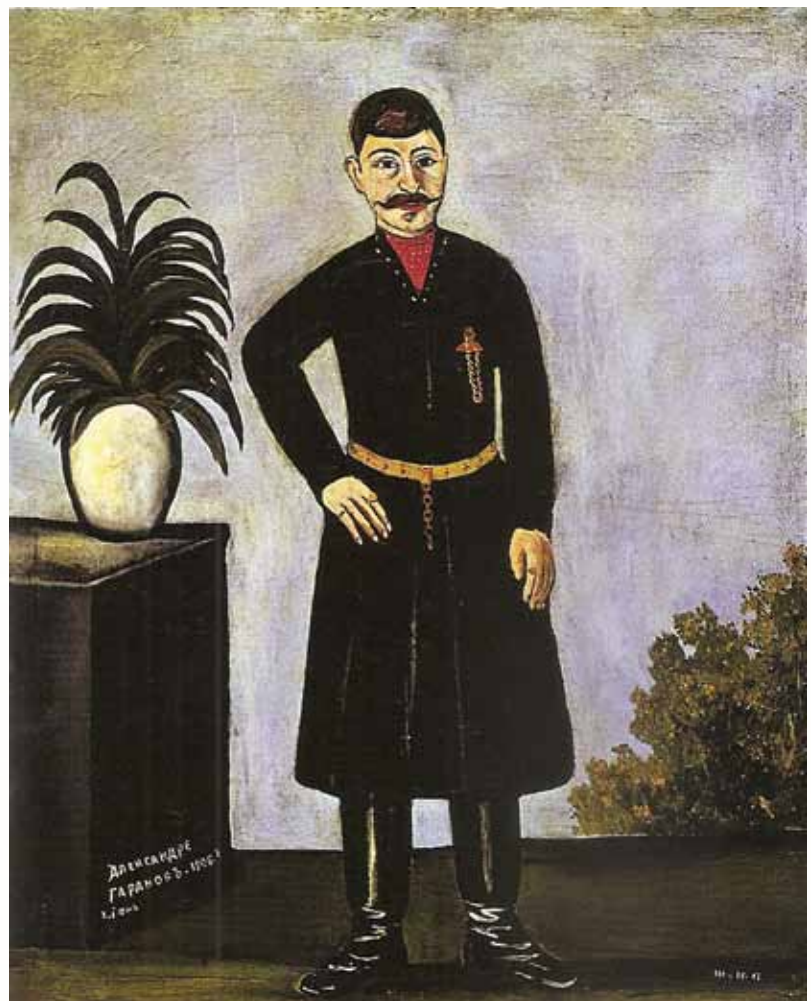

«Белый духан»

жизненной позиции – поэтому посещение духанов являлось важным моментом бытия. Вино и хлеб, освященные словом и смыслом, имели важнейшее значение в жизни грузина. За трапезой он становился добрым, веселым и мудрым, а застолье превращалось в почти мистическое действо, праздник, временный выход в лучший мир без страдания, страха и горя.

«Духан имел функции более широкие и многообразные, чем это следовало из его прямого назначения. Духан был своего рода маленьким клубом, обладавшим определенной индивидуальностью: постоянное место и связанные с ним особенности (специфический район города и квартал, достопримечательности разного рода и т.д.), индивидуальность владельца (его происхождение, вкусы, дружеские и родственные связи), постоянный круг посетителей со своими привычками и, наконец, постепенно зарождающаяся некая общность людей со своей социальной психологией» (Эраст Кузнецов. «Пиромани». Санкт-Петербург, 2012, стр. 282).

В духанах старого Тбилиси не только пили и ели, здесь чи-

Нико Пиромани. Духанщик Александре Гаранов. Тифлис, 1906 г.

Духан «Не уезжай голубчик мой». Тифлис, 1890-е гг.

тали наизусть строки из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», цитировали героико-приключенческий роман XVIII в. «Караманиани», один из значительных памятников грузинской художественной прозы XVII в. «Русуданиани».

Посетители знали репертуар тифлисских театров, в духанах можно было услышать стихи и песни местных ашугов, и устраивались даже поэтические состязания ашугов. Любители чтения приходили с дешевыми изданиями народных поэтов: «Ах, глаза, глаза», «Эта Нина, которая лучше той Нины», «Не простудись, барашек-джан», «Восхваление Верийской Вареньке»...

Тифлисские духаны привлекали посетителей и своими вывесками, стенными росписями и картинами на стенах. Владельцы духанов пользовались услугами живописцев и маляров из тифлисского амкара (цеха) (В 1914 г. в тифлисском амкаре состояло 109 мастеров (живописцев, маляров, иконописцев), имевший специальный аттестат амкара. В исторических документах амкар живописцев и маляров упоминается с 1770 г.

Духанщик С. Талгаугов у входа в свое заведение. Тифлис, 1890-е гг.

Театр им. Ш. Руставели. В нижнем фойе располагалось кафе «Химериони»

Просуществовал он до 1920 г. Его работе покровительствовали грузинские цари Ираклий II и Георгий XII. Подробнее см.: И. Дзуцова, «Амкар живописцев в Тифлисе», журнал «Сабчота хеловнеба», 1984, N12, на грузинском языке).

Создателями вывесок и духаных настенных росписей были члены амкара живописцев и маляров: Карапет Григорянц, А. Мусаилов, Иванэ Вепхвадзе, Густав Гельфлинг, Гуго Зазиашвили, Жозеф Жуен, Александр Маисурадзе, Алекси Мчедлидзе, Абрам Гарибов, Бено (Бенедикт) Телингатер, Иван Беридзе, Михака Грубеладзе, братья Агароян, Базал Бадалов и другие. Осип Мандельштам, не раз бывавший в Грузии, писал по поводу тифлиских вывесок: «Чудесный случай наблюдать развитие языка живописного доставляют нам вывески, в частности, тифлиские».

Старожилы Тбилиси помнили духан «Симпатия» в подвале дома на Пушкинской улице, просуществовавший до 1956 г. «Симпатия» славилась своей вывеской работы Нико Пиросмани и портретами выдающихся людей всех времен и наро-

Роспись Ладо Гудиашвили «Лавка Степко» в кафе «Химериони»

дов кисти художника-самоучки Карапета Григорянца: Александра Пушкина, Шота Руставели, Христофора Колумба, Вильяма Шекспира и др.

Для духанов писал свои картины Нико Пиросмани. Именно в духанах открыли его шедевры Михаил Ле-Дантю, Кирилл и Илья Зданевичи. В духане «Кар-

данахи» Сандро Кочлашвили, на ул. Молоканской N23 (ныне ул. Пиросмани) он написал известный портрет юного Ильи Зданевича в студенческой форме. Здесь же будущие художники Сигизмунд (Зига) Валишевский и Кирилл Зданевич познакомились с самим Пиросмани (их привел Илья Зданевич). Увле-

Роспись Давида Какабадзе в кафе «Химериони»

чение живописью Пиросмани было связано с антибуржуазной программой молодых художников и литераторов, с их тоской по эстетическим ценностям народного творчества. По словам грузинского критика Лео Эсакия, футуристы называли своим «морфологическим источником» творчество Пиросмани.

В своем дневнике встреч с Пиросмани (1913 г.), в процессе поиска картин художника Илья Зданевич называет духаны, где он их обнаруживал: «Варяг» недалеко от вокзала, духан Бего Яксиева на Песковской улице N40, духан Мехиева на Черкезовской улице N70, Озашвили на Молоканской улице N50, духан Баядзе на Вокзальной улице N24, «Дарданеллы» на Воронцовской площади, «Белый духан» на Манглисском шоссе, «Новый свет» в районе Верэ, «Фантазия» и другие. В результате поисков Илья Зданевич собрал свыше ста картин Нико Пиросмани, которые ныне стали экспонатами музеев и национальным достоянием Грузии, страна ими по праву гордится.

В тифлиских духанах, а позже и в литературно-художественных приютах города рождались новые истины, новые идеи, выработывались концептуальные платформы будущих талантливых художников, поэтов, артистов. Век литератур-

но-художественных подвалов был краток, но они стали таким же знаменем бурлящего времени в жизни Тифлиса, как и Москвы, Петрограда, Киева. Подвалы создавались под влиянием и наподобие аналогичных заведений в Европе, в частности в Париже, где огромной популярностью пользовались кафе «Гидропаты», «Циферблат», «Белая лошадь», «Ротонда», «Эльдорадо», «Ша нуар», «Проворный кролик» и др.

«Трамвай выбивался в Европу из Майдана», утверждал поэт

Игорь Терентьев в стихотворении «Тифлис». Илья Эренбург писал: «Мы бродили по нескончаемому Майдану, нам продавали бирюзу в смоле и горячие лепешки, английские пиджаки и кинжалы, кальяны и граммофоны, портреты царицы Тамары и доллары, древние рукописи и подштанники...». В кофейнях и духанных подвалах пели свои стихи ашуги Скандар-Нова, Ги-вишвили, Изтим Гурджи. Со временем, Головинский проспект, центральная артерия столицы, «вытеснил» Майдан,

Роспись Сергея Судейкина в кафе «Химериони»

Росписи Сергея Судейкина в кафе «Химериони»

и утвердил славу города – «маленького Парижа».

С благодатной почвы Тифлиса тифлисский литературно-художественный авангард (и особенно его русская диаспора) сосредоточился на пути в Европу. В то же время его представители помнили и о ценностях и достижениях прошлого, не игнорируя национальные традиции. В столице Грузии цвела традиционная поэзия розы и соловья, но вместе с тем Илья Зданевич горячо отстаивал заумный язык. После эпатажных прогулок Владимира Маяковского, Владимира Каменского и Давида Бурлюка, одетых в желтое и с раскрашенными лицами, многие в Тифлисе принимали футуристов за клоунов. В связи с этим И. Зданевич вспоминал: «В дни нашего будоражного пребывания в Тифлисе мы ходили без конца по гостям, по духанам, по кофейням, по улицам, по базарам и всюду сплошь читали стихи».

В Тифлисе возникла своеобразная мода на литературно-

художественные кафе-клубы: «Кривой Джимми», «Би Ба Бо», «Павлиний хвост», «Ладья аргонавтов», «Фантастический кабачок», «Химериони».

«Фантастический кабачок» был задуман поэтами Юрием Дегеном и Сандро (Александром) Короной по образу «Бродячей собаки» в Петербурге. Его открытие в ноябре 1917 г. (в одном из дворов на нынешнем проспекте Ш. Руставели, в самом центре города) стало значительным событием в жизни поэтического Тифлиса. Стены кабачка расписали всевозможными фантазмагориями сами участники тифлисского авангарда: Ладо (Владимир) Гудиашвили, Зига Валишевский, Яков Николадзе, Илья Зданевич и Юрий Деген.

«Фантастический кабачок» стал символом тифлисского Парнаса, ярким явлением культурной и артистической его жизни. Здесь господствовала полная свобода идей, творческих исканий.

«Фантастический кабачок»

вдохновлял поэтов. Так, Паоло Яшвили писал: «Бродячих и худых собак, Пригнали с северной столицы, И в «Фантастический кабачок» Кузмин желает вновь вселиться».

В марте 1919 г. тифлисский журнал «Феникс» (№2-3, стр. 1-6) сообщал о росписи «Фантастического кабачка». О Л. Гудиашвили – одном из авторов росписи – газета «Тифлисский листок» (1919 г., №43) писала в том же году: «Художник не забывает, а, наоборот, все с большей ясностью осознает в себе свое национальное лицо – голос народа и страны. Этот голос и чувство, наполняющее молодость художника, заставили обратиться к изучению тех художественных реликвий старых грузинских мастеров миниатюры и фресок, в которых сохранилось по сей день народное искусство грузинского народа» (В газетной статье имелась в виду композиция Л. Гудиашвили «Чтение стихов», 300x200, 1918 г.). Не поддавшись край-

Проспект Руставели. Дом офицеров, где располагалась «Ладья аргонавтов»

ностям художественного авангарда, грузинское искусство (и его яркий представитель Л. Гудиашвили) не отрывалось от национальной почвы, т.к. особенностью его было устойчивое равновесие между Востоком и Западом.

Не менее активной и привлекательной была деятельность участников театра-студии «Ладья аргонавтов», функционировавшего в 1918-1920 гг. в подвале здания 1916 г. постройки, так называемого «Дома офицеров» на Головинском проспекте №10. Стены театра-студии расписал в 1919 г. Кирилл Зданевич. В «Ладье аргонавтов» шли пьесы, устраивались музыкальные вечера, художественные выставки. С ней связаны имена поэтов Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили – писателей Григола Робакидзе и Серго Клдиашвили, художников Ладо Гудиашвили, Давида Какабадзе, Зигмунда Валишевского и многих других деятелей культуры Грузии и России. При театре-студии функционировали ресторан и американский бар.

Поэт Юрий Деген отмечал: «Как приятно, что нашлись, наконец, в Тифлисе энергичные

Фрагмент росписи Кирилла Зданевича в «Ладье аргонавтов»

Кутеж с восточными музыкантами

люди, устроившие здесь своего рода петроградскую «Бродячую собаку» или второе издание ее – «Привал комедиантов». Именно такого учреждения, проникнутого богемным искусством, начиная со сцены и стенной живописи и кончая маленькими чашечками, в которых вам подадут черный кофе, недоставало многим тифлисцам».

Накал художественной жизни Тифлиса взлетел до «41°». Так Илья Зданевич, Игорь Терентьев, Алексей Крученых и Колау (Николай) Чернявский назвали свою группу футуристов. И. Зданевич связывал название с мистическим значением числа «41». На этом градусе широты находятся крупнейшие столицы и города: Пекин, Стамбул, Мадрид, Неаполь, Нью-Йорк и... Тифлис.

Участники группы проводили эпатажные вечера и выставки работ, в частности, Кирилла Зданевича, Ладо Гудиашвили и Давида Какабадзе, издавали книги под знаком «41°» и одноименную газету (увы, вышел лишь один номер). Уехав в ноябре 1920 г. в Париж, И. Зданевич открыл в кафе «Хамелеон» на Монпарнасе «Университет

«41°». Идеи «Университета» активно циркулировали среди парижской богемы.

Вновь открытые литературно-художественные приюты стали примечательным фактом в культурной жизни Тифлиса первой четверти XX в. Но еще более прекрасным событием ее стало открытие кафе «Химерио-

ни». Члены литературного объединения грузинских поэтов «Голубые роги» пожелали иметь место для встреч и дискуссий. «Химериони» расположился в помещении бывшего ресторана «Анонна». Поэт Тициан Табидзе вспоминал, как «голубороговцы» искали помещение, как подбирали ему название: «По-

В ресторане «Анонна», Тифлис, начало XX в.

надобилось десять заседаний, чтобы дать название кафе... Победило название «Химериони».

Паоло Яшвили и Тициан Табидзе обратились к находившемуся в это время в Тифлисе художнику Сергею Судейкину. Сразу же по приезде в Тифлис (из Петербурга через Крым), супруги Судейкины стали неременными и желанными участниками литературно-художественной жизни города. Со всей страстью творческого темперамента Судейкин окупился в гостеприимную и доброжелательную атмосферу городской культурной жизни, стал завсегдатаем вечеров в «Фантастическом кабачке», «Братском утешении», «Химериони».

Художник с энтузиазмом взялся за роспись стен «Химериони», предложив сотрудничество Ладю Гудиашвили и Давиду Какабадзе. Несколько озадаченные перспективой столь масштабной работы, молодые художники вдохновились уверенностью мастера Санкт-Петербургского Императорского театра и одного из оформителей Дягилевских сезонов в Париже. Они принялись за работу. И вот уже на стене «Хи-

мериони» появилась композиция Ладю Гудиашвили «Степко» (4x3 метра). Позже, Т. Табидзе писал о ней: «Это шедевр грузинского искусства». А С. Судейкин подчеркивал: «Все, что делает этот художник, наполнено той национальной мощью, которой не хватает Западу...».

На одной из стен «Химериони» Д. Какабадзе написал композицию с изображением выдающегося грузинского скульптора Якова Николадзе (творчество которого высоко ценил и Сергей Судейкин) и грузинского писателя Василия Барнова (Барнавели).

Для работы в «Химериони» С. Судейкин пригласил и молодого Зигу Валишевского, впоследствии выдающегося польского художника. З. Валишевский изобразил пейзаж и натюрморт в медальонах.

По воспоминаниям Т. Табидзе, одна из стеновых росписей в «Химериони» выглядела следующим образом: на балконе старого тифлисского дома стояла группа людей в национальных одеждах с несколько стилизованными лицами. На другой стене – также сценка из грузинской реальности с изобра-

жением молодых грузинок, обнимающих лань и внемлющих музыкальному трио – зурначам и барабанщику. Композиции вокруг оживлялись изображением цветов и птиц. Так, С. Судейкин стремился передать яркие особенности грузинского быта, вдохновлявшего его романтическими настроениями и элементами театральности. Художник был очарован Грузией, которая «была для него Нико Пиросмани, необъяснимый гений, хлеб и вино, пир и радость». Судейкин признавался Тициану Табидзе, что Грузия привела его в восторг и, если ему «понадобится расписать все улицы Тифлиса», он это «сделает непременно, даже под обстрелом неприятеля».

С. Судейкин называл своими «грузинскими братьями» Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и Валериана Гаприндашвили. На стене «Химериони» художник изобразил Тициана Табидзе в костюме Пьеро, а его жену Нину Макашвили – в костюме Коломбины. Другого своего «брата по искусству», поэта Паоло Яшвили он изобразил в широком плаще и испанской шляпе, с голубым рогом в руке (намек на

литературную группу «Голубые роги», в которой состоял П. Яшвили). Голубые голуби над головой поэта символизировали его доброту. Символика в росписи «Химериони» перекликалась с лейтмотивом творчества грузинских поэтов-голубо-роговцев: призрачность, недостижимость любви, ирреальность мира.

На одной из стен «Химериони» С. Судейкин написал женский образ – портрет своей жены Веры Судейкиной. Он был точным повторением «Портрета жены» 1919 г. В 1921 г. портрет экспонировался на выставке русских художников в Париже. В Доме-музее Т. Табидзе в Тбилиси хранится фотография портрета с дарственной надписью: «Муза – музе. Вера Судейкина». Под другой музой имелась в виду Нина Макашвили, супруга Т. Табидзе.

Современники единодушно восхищались сюжетами и стилистикой росписей «Химериони», их яркой декоративностью, эстетической системой оформления. Стены и низкие крестообразные своды помещения были украшены стилизованными изображениями цветов, птиц и звезд, масок, козлоногих химер с жутким оскалом, сирен... В росписи «Химериони» нашли отражение прежние увлечения С. Судейкина гротескно-фантастическими образами, трансформированные под

влиянием грузинской действительности.

Безудержный фантазер, создатель множества ярких и пряных композиций, Судейкин творил их с любовью к грузинским поэтам и художникам. Эти росписи – символ совместной плодотворной работы, укреплявшей творческую и духовную связь мастеров русского и грузинского искусства.

Уже в 1921 г. современники называли «Химериони» художественным памятником, равному которому по художественной ценности Тифлис не имел. Грузинский общественный деятель и писатель Давид Касрадзе писал: «Перед нами факт, который нельзя отрицать: «Химериони», который надо признать прекрасным памятником в истории нашего искусства». В романе «Фалестра» Григор Робакидзе упоминал роспись С. Судейкина с ее фантазмагориями и мистико-иррациональной тональностью, перекликающейся с мировоззрением самого писателя.

«Химериони» стал своеобразным приютом для многих известных и не очень писателей, художников, поэтов и артистов. Из всех пристанищ тифлисской богемы «Химериони» был самым популярным и живописным. Как и «Бродячая собака» в Петербурге, также расписанная С. Судейкиным, «Химериони» отразил пылкий вольный дух 1910-х гг. Здесь каждый преподносил в дар свою фантазию и парадоксальность, самобытность, эксцентризм и вдохновение.

Здесь любили собираться. Об одном вечере в «Химериони» рассказал в своих воспоминаниях журналист Николай Стор (Стороженко): «Через несколько дней после восхождения на Давидовскую гору, во время ужина в ресторане «Химериони» Есенин прочел только что написанное стихотворение «На Кавказе». В подвальчике было, как всегда, многолюдно, за поэтическим столом сидели В. Гаприндашвили, П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, режиссер К. Марджанов, писатель и артист Ш. Дадияни, Коля Шенгелая, впоследствии ставший отличным кинорежиссером. Есенину пришлось дважды прочитать свое стихотворение. И, когда он вновь начал читать, все, кто был вокруг, поднялись и стоя прослушали эту есенинскую исповедь... Расхворались в пятом часу ночи».

Сам Сергей Судейкин высоко ценил своих собратьев по кисти – соавторов росписей «Химериони», Л. Гудиашвили и Давида Какабадзе: «Ладо Гудиашвили – наивысшая точка видения грузинского духа, который неосознанно воспринял западную культуру – для возрождения восточной. Гудиашвили – художник с внутренним видением и волнует так, как лучшие современники Бодлера. Все, что делает этот художник, наполнено той национальной мощью, которой не хватает Западу... Он большой мастер и художник».

О Давиде Какабадзе С. Судейкин отзывался так: «Мыслящий художник, и мастерски использует свое умение. Влюблен в старое искусство Дюрера и преподносит картины, стоящие на высоком уровне... Тем более странны по отношению к этому художнику-позитивисту футуристические тенденции. Это – настоящий футуризм».

Росписи в «Химериони» стали первым значительным шагом в становлении новой грузинской

монументальной живописи. Участие в их создании Л. Гудиашвили и Д. Какабадзе имело для них важное значение – помогло им уверенно выступать в этом сложном жанре изобразительного искусства.

Несмотря на краткость своего пребывания в Грузии, С. Судейкин много и плодотворно работал. Новые впечатления, общение и творческое содружество с деятелями грузинского искусства и литературы послужили ему сильным стимулом. Помимо «Химериони», он расписал стены домашнего театра в доме Туманишвили (друзья тифлисской богемы) в Тифлисе и создал станковые картины. Они экспонировались на выставке «Малый круг» в 1919 г., а две из них – «Карнавал» и «Молочный час, Коджори» – хранятся в Государственном музее искусств Грузии им. Ш. Амиранашвили, другие – в Доме-музее Т. Табидзе в Тбилиси.

Страницы альбома Веры Судейкиной (в 1995 году в университетском городе Принстон (США) было выпущено факсимильное издание альбома Веры Судейкиной-Стравинской. Автор предисловия и научного комментария – известный исследователь русского литературно-художественного авангарда профессор Джон Боулт. «The salon album of Vera Sudeikin-Stravinsky». Edited and translated by John E. Bowlt, Princeton University Press, 1995) – свидетельство насыщенной жизни супругов в Грузии. В альбоме помещены автографы, стихи, рисунки и фотографии почти всех участников тифлисского авангарда. Несомненной ценностью альбома являются зарисовки Л. Гудиашвили из жизни «Химериони».

Под впечатлением живописи С. Судейкина Григор Робакидзе поместил в альбоме свое стихотворение (лето 1919 г.):

Офорт

«Негры в белых париках»
Из декорации Сергея Судейкина

Дремотный сон в золе томлений.
Струи червонных тяжких кос.
И рдеют белые колени
На лоне бледных смятых роз.
Блудница лунного азарта –
Сапфирно-яркая в лучах:
На солнце нежится Астарта
Средь негров в белых париках.
Кровавый хмель гранатов зноя
Зовет всех женщин на разгул.
И слышен, слышен темный гул
Любовных помыслов нагнаю.
Горит тигрица Саломея:
В садах у дикого куста.
Зовя любовь, янтарно млея,
Целует мертвые уста.
Желанный яд в изгибах торса:
Земля вся в блюде в тайный час.
И реет бред изживших рас
В плаще из крыльев альбатроса.
И вдруг мертвеет страстный шепот:
И слышен лет шума, звеня.
Все ближе, ближе смертный топот

Апокалипсиса коня.
И будет встреча двух страстей:
Огня копыт и жала тела.
Конь-Блед заржет еще бледней.
Жена возжаждет до предела.
И сладострастна будет пытка
Обезумевшей блудницы.
Но там, в венках, крутым копытам
Нагое тело будет сниться.

На создание «Офорта» грузинского поэта вдохновило знакомство с С. Судейкиным и его живописью. Эпиграф – «Негры в белых париках» – намек на декорации, реализованные Судейкиным для конкретной постановки. К сожалению, уточнить, к какой именно не удалось, хотя известно, что Судейкин в Тифлисе осуществил декорации к нескольким литературным вечерам и театральным постановкам. Например, в подвале «Ладья аргонатов» героем вечеров был певец-негр Джимми.

Под впечатлением живописи С. Судейкина поэт Сергей Городецкий написал стихотворение «Судейкин»:

Полупрезрительной улыбкой озирая
Пустой реальности беснующийся ад,
Ты открываешь двери золотого рая,
В невиданный никем из смертных вводишь
сад.

Там девы, от истомы ласково сгорая,
В боскетах душных ищут трепетных усад.
Там Шумана влечет любовница вторая
К фантазии безумья, к песням без преград.
Там музы в зорях погребальных Аполлона,
И персиянину кальян дает Амур.
Там Соломону Суламифь раскрыла лоно,
Ласкается к купцу красotka в душегрейке,
И среди таинственно-пленительных фигур
Стоит никем еще не понятый Судейкин.

Стихотворение, написанное 27 февраля 1920 г. в Баку, впервые было напечатано в журнале «Братство» (Тифлис, 1920, n°1). Тема карнавала и навеянные музыкой Роберта Шумана мотивы постоянно присутствовали в творчестве С. Судейкина.

Илья Зданевич и Михаил Ле-Дантю

Тифлис. Нарикала. Конец XIX века

Как писал грузинский художник и коллекционер Владимир Цилосани (1885-1971) в статье «Химерион», после отъезда С. Судейкина из Грузии в помещении «Химериони» обосновалось кабаре с румынским оркестром, а позже – обычный ресторан. Когда С. Судейкин узнал об этом, «он заболел от огорчения и в его присутствии просил не упоминать это название». «Неужели это так останется, неужели не найдут грузинские поэты, художники и писатели возможности охранять этот памятник искусства, оставленный им с такой любовью и искренней дружбой?», вопрошал В. Цилосани. Спустя десятилетия, в 1970-1980 гг., в бывшем помещении «Химериони» были осуществлены реставрационные работы.

Удивительная по экспрессивности, эстетически прекрасная живопись «Химериони» продолжает радовать, как воспоминание о той эпохе, когда среди химер и цветов, под декламации стихов и звуки грузинской музыки из рук присутствовавших дам доверчиво брали зелень грациозные лани. Так в парижском «Проворном кролике» («Le Lapin Agile») на Монмартре ослица Лоло выпрашивала между столиками коньяк.

Непременными участниками тифлиских артистических приютов были прекрасные дамы – музы поэтов и художников. Им посвящали стихи и рисунки, а

темой докладов была не только заумная поэзия, но и прекрасная улыбка, и чарующая женственность. Юные красавицы располагали к себе умением слушать и вдохновлять. Вопреки мятежной жизни, и музам, и их поклонникам, увлеченным дружбой и творчеством, пора была жить, творить и любить. Красивая женщина оставалась осколком легенды в Тифлисе начала XX в., – ведь Грузия, по словам Александра Дюма, «это одухотворенная Галатея, преображенная в женщину».

Документальных сведений о духанах и литературно-художественных приютах Тифлиса сохранилось немного. Лишь воспоминания (редкие и скупые) некоторых современников подтверждают, что на однообразие творческой жизни в столице Грузии 1910-1920 гг. жаловаться не приходилось. В напряженные и голодные годы самой большой ценностью оставалось духовное общение. Молодые творцы поддавались волне идей нового искусства, в поисках своего пути – отвергали рутину, шаблон, консерватизм. Старт был равным для всех. Задиристые, но бескорыстные, голодные, но гордые, местные и приезжие, – все были неутомимы в борьбе с филистерскими вкусами. И хотя Григол Робакидзе считал, что заумь может быть понятой только астральным духом, клич «Сарынь на кичку» из поэмы

Василия Каменского «Стенька Разин» (1915 г.) разносился повсюду.

Заброшенные волею судьбы на тифлиссский Парнас поэты и художники сотрудничали, ожесточенно спорили и дружили с гостеприимными хозяевами. Участники этого сообщества единомышленники были не только активными участниками вечеров и диспутов, но и художественного оформления артистических подвалов, стены которых были едва ли не единственным полем приложения их таланта и энергии.

Местная пресса охотно общала о росписях в театре и столовой клуба Грузинского общества журналистов, выполненных К. Зданевичем в 1919 г., о росписях в ресторане «Мартышка» Самсона Надареишвили, Давида Какабадзе и Аполлона Кутателадзе. Они же расписали и стены кафе-ресторана «Шампань» композициями на грузинские темы, пейзажами Тифлиса и сюжетами из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Художник С. Надареишвили рассказывал мне, как однажды он сидел за столиком под своими фресками и наблюдал за любующимся его работой В. Маяковским. Подозвав официанта, поэт о чем-то его спросил. Официант указал на художника, и тогда поэт бесшумно поаплодировал ему. «Я так растерялся, что даже не пытался заговорить с ним, а вечером я слушал стихи поэта», вспоминал художник.

Тифлисский авангард с его национальными оттенками сегодня можно квалифицировать как своеобразное и многогранное явление культуры. Следы участников тифлисской литературно-художественной жизни рассеялись по дорогам мира. По-разному сложились их судьбы, но у всех сохранилась жажда созидания, эмоциональная энергия и стремление утвердить новый дух, новый эстетический канон в литературе и искусстве. Тифлис навсегда остался для них дорогим сердцу воспоминанием, и они вслед за Осипом Мандельштамом наверняка повторяли: «Мне Тифлис горбатый снится...».

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

გოგონების

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები სუბკარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

Средневековая крепость Горисцихе в городе Гори – мощное оборонительное сооружение. Монумент Победы работы выдающегося скульптора Элгуджи Амашукели (архитектор В. Давитая) установлен в 1979 году.

Фото Александра Сватинова